

ГАЛИЯ МАВЛЮТОВА

СМЕРТЬ-ОСТРОВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Галия Мавлютова

Смерть-остров

«ВЕЧЕ»

2019

Мавлютова Г. С.

Смерть-остров / Г. С. Мавлютова — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7851-2

На севере Томской области есть остров, ханты всегда называли его Заячьим, но со временем безобидное название забылось, и остров стали называть Назино по наименованию близлежащего посёлка, а с тридцатых годов и вовсе именуют островом Смерти. Это тот самый знаменитый Голодный Остров. В 1933 году на остров выгрузили спецпереселенцев из центральных городов страны – голодных, раздетых, обездоленных, не обеспечив их никакими средствами существования. Несчастные люди утратили человеческий облик, породив трагическую историю, которая не должна повториться.

ISBN 978-5-4484-7851-2

© Мавлютова Г. С., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Часть вторая	39
Глава первая	39
Глава вторая	42
Глава третья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Галия Мавлютова

Смерть-остров

К 85-летию Назинской трагедии

На севере Томской области есть остров, когда-то ханты называли его Заячьим, но со временем безобидное название забылось, и остров переименовали в Назино по названию близлежащего посёлка, а с тридцатых годов прошлого века и вовсе именуют островом Смерти. Это тот самый знаменитый Голодный Остров.

Я родилась в середине пятидесятих годов прошлого века неподалёку, в селе Александровском, всего в пятидесяти километрах от страшного места. Моя мать из раскулаченных, в 1936 году подростком угодила в ссылку. Во время войны Александровское наводнили немцы, западные украинцы и западные белорусы. Украинцев называли «бендеровцами», а белорусов «бульбашами». Были ещё поляки, но мало. В пятидесятые-шестидесятые годы эти места по-прежнему оставались ссыльным краем. Я помню, как только сходил лёд, на Александровскую пристань приходили первые пароходы и по трапу выводили молоденьких стилияг, а с ними валютчиков и проституток, высланных из центральных городов уже во времена правления Н.С. Хрущёва. Они сходили на берег нарядные, в разноцветных, летних платьицах и коротких брючках. Особенно запомнились туфли-лодочки с острыми носами, а у нас весенняя распутица, всё развезло. Грязи по пояс. Молодёжь спускалась по трапу, явно не понимая, что будет с ними дальше. Куда потом подевались эти люди, не знаю. Наверное, пропали.

Позже появились геологи и работяги, в большом количестве слетевшиеся в Александровское за бешеными деньгами. В шестидесятые годы в тех краях нашли большую нефть.

Вот в таком необычном месте прошло моё детство.

Впервые я услышала об острове Назино от моего брата, недавно ушедшего в иной мир. Нам было совсем мало лет, когда он поведал мне об этом острове. Всё, что он рассказал, настолько потрясло меня, что я поклялась: когда вырасту, напишу книгу об этих местах.

Что мог знать восьмилетний мальчик о тайном и запретном месте? Совсем мало, но легенды той поры остались в моей памяти на много лет. В одной из них присутствовала сестра Ленина, будто бы она была сослана на остров, но, переплыв широкую реку, спаслась и добралась до Москвы, где обо всём рассказала Сталину. И тогда по его приказу из Москвы прислали чрезвычайную комиссию, чтобы спасти оставшихся на острове людей, но не успели, к этому времени голодные люди съели друг друга, и человеческие кости валяются по всему острову. Детская страшилка въелась в меня навсегда. С тех пор я думала об этих несчастных людях, не понимая, как могло такое случиться.

Разумеется, никакой сестры Ленина на острове не было, это всего лишь легенда, услышанная мною в далёком детстве, но там были другие люди. И они не спаслись, они до сих пор там, на острове, молча вызывают к человеческой памяти.

К этой книге я шла много лет. Прошло детство, мы с братом выросли. Я уехала в большой город, мне пришлось много лет учиться и работать, но остров всегда жил во мне и со мной. В эпоху Интернета я наткнулась на статьи и материалы учёных Новосибирского университета и выяснила, откуда взялся этот остров в моей жизни и в жизни многих людей. Из документов стало ясно, почему страшная тайна до сих пор будоражит те места, не давая покоя ни людям, ни животным, ни деревьям. Кто-то забыл о проклятых временах, кто-то отмахнулся, но трагические события прошлых лет остались в общей человеческой памяти.

В 1933 году в процессе паспортизации на остров выгрузили спецпереселенцев из центральных городов страны – голодных, раздетых, обездоленных – и забыли о них. На острове не было жилья, продовольствия, необходимых предметов быта. Из шести тысяч человек за два

месяца осталось чуть более двух тысяч. Голодные люди утратили способность сопротивляться и бороться за существование. Человеческая трагедия, созданная людьми, подобна водовороту, втягивающему в себя огромное количество судеб.

Каждый мог оказаться на этом острове. Каждый может оказаться на острове. Назинская трагедия создана людьми, но самое страшное, что в любой момент она может повториться.

Лишь через пятьдесят лет я написала книгу «Смерть-остров». Надеюсь, она станет памятником тем безвестным людям, не нашедшим покоя ни в этой, ни в другой жизни.

Часть первая

Явыз

Широкая старинная баржа медленно и тяжело шла вниз по Оби, на север. Впереди мельтешил юркий катерок, пытаясь разогнать баржу, но металлическая вода на глазах обрастала глыбами льда. Острые льдины глухо царапали деревянную обшивку баржи, угрожая разнести старое дерево на мелкие кусочки.

– До завтра не дотерпим, шуга пошла, похолодало, по вёснам так бывает, – пробурчал рыжий конвоир в суконной шинели, судорожно подергивая плечом. За его спиной болталось ружьё – длинное, бесполезное – старое, но конвоир не спешил расставаться с ним. С ружьем было спокойнее.

– Как ба дерево не раздергало, – посетовал его товарищ, с белесым и рыхлым лицом, основательно изрытым оспинами. На нем была такая же шинель, как у товарища, и точно такое же ружье за плечом.

По бокам баржи сидели изнуренные люди, обмотанные тряпьем и ветхими обносками. Они молчали, словно заledenели. Откуда-то снизу раздавался глухой вой. Он поднимался прямо к небу, туда, где в серой и мрачной пучине атели узкие полоски уходящего на зимний покой солнца. Иногда казалось, что солнце прощается с миром навсегда. Его больше не будет. И никого не будет. Ни мира, ни солнца...

– Чо воют-то, чо воют? – заскулил первый конвоир, не выдержав надрывного воя.

– А там рябетенек народился и сдох, – скупое пояснил второй, сопя и прилаживая к ремню алюминиевый чайник, обгоревший на частых кострах до угольной черноты.

– Мальчонка, что ль? – поинтересовался рыжий конвоир.

– Та не, девка, – небрежно отмахнулся второй, вздохнув с облегчением. Он уже приладил к поясу чайник и обдернул ремень, собрав сзади шинель широкими складками.

– Так чо делать-то будем? – спросил рыжий, недовольно морщась и оглядываясь на уходящую развилку реки. Они уходили в суровую непогоду, туда, где вечные льды и туман, а там, за развилкой, осталась нормальная жизнь.

– Та вон на дрова покладем и дальше пойдем, а то не успеть нам до вечера. Свистни на катер, пусть встанут маленько, – сказал белесый и, опустившись на колени, сунул голову вниз, в провал, откуда доносился пронзительный людской вой. – Ты подай девку-то, подай сюда.

Вой на миг затих, из провала показалась дрожащая рука с грязным свертком. Конвойный взял сверток и свистнул. Катер дал гудок, а баржа долго скрипела, приостанавливая ход у самой кромки берега.

– Долго не могу стоять, – заорал рулевой, высунувшись из кабины, – а то застрянем тут на неделю.

– Не надоть, – отмахнулся конвойный и, размахнувшись, ловко швырнул сверток на дрова, заготовленные местными остяками. В дровах тряпье развалилось, сверток раскрылся, из него показалось мертвое тельце новорождённой девочки. Она жадно смотрела застывшими глазами в небо, словно хотела вобрать в себя ускользающую алую полоску скупого северного солнца. И вдруг все вокруг завывло, небо потемнело, в один миг став черным, как обгоревший чайник, разом исчезли кровавые полоски уходящего на зимний покой солнца. И только одна, самая узкая, почти незримая, на мгновение задержалась в широко открытых застывших глазах младенца. Выли люди на барже, выла начавшаяся неожиданно пурга, выла голодная волчица, одиноко сидевшая на высоком берегу Оби. И кто из них больше тосковал – неизвестно. Волчицу привёл запах человеческой крови, ведь людей везли на верную смерть. На поселение. В документах их называли переселенцами. Они сидели внутри и снаружи, уже зная, чем закон-

чится для них это долгое и страшное путешествие. И только конвоирам было весело. Они жгли костер на корме баржи, грея замерзшие руки.

– А волк-то на мясо пришел, – грубо пошутил первый конвоир.

– А чо ему? Жрать-то больше нечего, только падаль где подберет, – хрипло хохотнул второй и подбросил в огонь немного сухих прутьев. По инструкции большой огонь на барже ночью жечь запрещалось.

Воющая баржа плавно качнулась и медленно повернула к излучине реки. Конвоирам на миг стало жутко. Они сгруппировались у костра, словно пытались найти у огня защиты. А страшный вой медленно полз по реке, пеленой расстился в черном небе, оставляя мертвый след на голых деревьях и мерзлой земле.

...Иногда люди не умирают. Они прячутся в природе. А потом смотрят на нас и помогают нам жить.

Глава первая

Поначалу она боялась притрагиваться к чужим вещам. Не брезговала, нет, просто не хотелось. Ей казалось, что все они несут в себе душу прежних владельцев. Мужу дали квартиру в центре Ленинграда с мебелью, вещами, одеждой. Раньше здесь жили враги народа. Так муж сказал, а она промолчала. Не очень-то приятно жить в квартире, где нужно спать в постели врагов народа, есть из их посуды. Но время всё сровняло, вскоре они обжились среди чужих вещей. Хорошее бельё, красивые занавеси, крепкая и модная мебель, дорогая посуда; пользоваться всем этим было не только удобно, но и приятно. Про настоящих хозяев старались не думать. Они там, на выселках, где и должны находиться вредители социалистического государства.

Утро выдалось солнечным. Галина выглянула в окно. По улице спешили редкие прохожие. Кто-то ещё в зимнем, многие в ботах и калошах, но женщины уже переобулись в лёгкие туфельки. Вечером у Горбуновых гости. К столу всё готово, квартира наполнена вкусными ароматами, только хлеба не успела купить, придётся добежать до булочной. Хорошо, что посмотрела, в чём одеты люди на улице. Галина посмотрела в зеркало: волосы уложены, губы накрашены, глаза сияют, как вымытые стёкла. Сегодня она скажет Гришеньке, что беременна. Срок небольшой, но ребёнок уже чувствуется, наверное, девочка.

Галина радостно засмеялась. Она всегда мечтала о дочери. Дочка, дочь-доченька. Неняглядная, долгожданная. И хотя Галина понимала, что зародыш ещё не сформировался, но настолько уверилась в своих предположениях, что уже любила будущую дочь. В мечтах представляла, как они вместе идут гулять, все втроём: муж Гриша, она, Галина, и маленькая дочурка. К тридцати годам жизнь у Галины сложилась счастливо – удачное замужество, квартира в большом городе, у мужа хорошая должность. Гриша работает на крейсере «Аврора». Он хоть и не самый главный, но командир. Крейсером командует другой человек, а Гриша всего лишь начальник секции. Машина ему не положена по должности, зато у него паёк, вполне достойный, на семью хватает. Иногда тайком от мужа приходится посылать гостинцы на родину. В деревне, откуда Галина родом, давно живут впроголодь, единственное спасение – ждать редкие посылки от счастливой дочери.

Галина нахмурилась, в уголках глаз появились крохотные слезинки, но, испугавшись, что испортит мужу праздник, она против воли улыбнулась и взмахнула рукой. Завтра же вышлет посылку в деревню; от праздника что-нибудь останется, да и в кладовке кое-что припасено. Галина гордилась своей домовитостью, всего у неё было в достатке, а в доме всегда порядок. Сначала хотели нанять домработницу, но муж не разрешил: мол, чужие глаза в доме не к добру. Люди завистливые, наболтают лишнего, потом не расхлебаешь. Советские органы зорко следят за совслужащими и командирами.

Галина взяла соломенную авоську, накинула на плечи светлое пальто и выбежала из дома. В лицо пахнул резкий ветер, всё-таки в апреле ещё прохладно. Ничего, скоро потеплеет, на майские праздники всегда тепло. Галина майская, весёлая, а Гриша апрельский, немного суровый, но не холодный, скорее прохладный. Иногда так взглянет, что страшно становится, но потом опомнится и потеплеет взглядом, и сам потихоньку оттаёт. Хорошо с ним жить, надёжно. Такой не бросит в беде, не уйдёт к другой женщине, не изменит, не предаст.

Гриша семью полностью обеспечивает. Кормилец, всё в дом несёт. Галина нахмурилась, вспомнив про тайные посылки на родину, Получается, что муж в дом, а она из дома выносит. Если Гриша узнает, не простит. Муж не любит вспоминать про свою родню. У него отец с матерью где-то за Уралом; там тоже голодно, но Гриша как член партии не имеет права осуждать правительство. В последнее время он только и делает, что молчит. Совсем перестал смеяться и разговаривать. Может, сегодня на его дне рождения, когда соберутся гости, все с работы, муж

на людях отойдёт и заговорит. Она так соскучилась по его скупой улыбке. Галина вздохнула и заспешила: в вечернее время в булочной большая очередь. Нужно успеть до шести вечера.

Под аркой сгрудилась толпа молодых мужчин, у всех руки в карманах брюк, в углах ртов изломанные папироски, все в фасонистых кепках. Мужчины громко матерились и озирались по сторонам, высматривая добычу. Галина вздрогнула и припустилась бежать, сзади раздался громкий хохот и матерки. Шпана забавлялась. Ещё немного пробежать – и она окажется на проспекте 25 Октября. Это бывший Невский проспект. От бега Галина задохнулась и схватилась за сердце.

В последнее время в Ленинграде стало опасно: город заполонили деклассированные элементы. Гриша часто предупреждал жену, чтобы была осторожнее, ширмачи потеряли всякую меру. Галина нащупала в авоське кошелек, хотя твёрдо знала, что он там, никто его не трогал. На проспекте было безлюдно. Странно – удивилась Галина, – обычно весной в эту пору бывший Невский бывает оживлённым и радостным, словно народ подстёгивает себя будущим весельем в преддверии майских праздников.

Вдалеке у булочной маячили люди в серых гимнастёрках с отложными воротниками с петлицами и с красными кантами по воротнику и фигурным обшлагам. Галина выдохнула. Страх прошёл. Люди в форменном обмундировании, видимо, тоже военные, как муж, только Гриша относится к морским силам, а эти из милиции. Так это же хорошо! Надо будет подсказать им, что под аркой собрались гопники. Проходу от них не стало, совсем распоясались, разболтались! Пора призвать их к порядку, а то пугают мирный советский народ. Галина пригладила растрепавшиеся волосы, мысленно похвалила себя, что надела летние туфли, светлые, лодочками, и смело направилась к мужчинам в серых гимнастёрках.

– Гражданочка, предъявите документы!

Галина прижала авоську к груди. Голос прозвучал где-то наверху, словно к затылку приставили медную трубу.

– А там, там, они, они, – пролепетала Галина, показывая рукой под арку.

– Что там, кто они? Где документы? Ах, нет документов, тогда, айда с нами!

Захрустели локтевые суставы, Галина охнула. Как же так? Она же только за хлебом выбежала, а паспорт не взяла. Да ведь дома он, в тумбочке лежит вместе с Гришиными документами. Галина пыталась сказать, что она жена начальника секции, что муж скоро вернётся с работы, но зубы лишь беззвучно шевелились. Не успела она опомниться, как её уже засунули в «воронок».

Галина брезгливо прижала платок к губам. Тошнотворный запах исходил от нищего, валявшегося в углу кузова. По бокам сидели люди: разные, молодые и старые, мужчины и подростки, среди них одна женщина – вся косматая, в лохмотьях.

– Я не могу здесь! Откройте! – Галина забарабанила по металлической двери.

– Все могут, а она не может! – В машине раздался гогот. – Мы тут все беспаспортные. Сиди с нами, не топочи!

– Но у нас сегодня гости, у меня есть паспорт, у меня муж, он скоро придёт домой, – прошептала Галина, обводя невидящим взглядом задержанных.

– Гости подождут, а муж объелся груш! – загоготал под ухом развязный мужчина с металлической фиксой во рту. – Ты с нами тут маненько посиди. Мы тебя в обиду не дадим!

– Фиксатый, закрой пасть! – произнёс кто-то сбоку.

Галина не успела разглядеть защитника, мотор взревел, машина дёрнулась, и женщина рухнула на пол, едва успев подумать, что пальто светлое и непременно испачкается на грязном полу.

Больше ничего не было. Ни квартиры рядом с бывшим Невским, ни мужа, ни будущей дочери. Память исчезла. Осталось ощущение вселенского озноба от холода и ужаса. Позже свидетели рассказывали, что Горбунова Галина при задержании стукнулась головой о металли-

ческий пол. А перед ее мысленным взором был накрытый стол, задумчивое лицо мужа, занавески на свежевывмытых окнах и светлые кудряшки ещё не родившейся дочери. Волна счастья накрыла Галину. Скоро, совсем скоро она скажет Грише, что у них будет ребёнок. Девочка Надежда. Надя-Наденька...

Машина резко затормозила, заскрежетал засов.

– На выход!

Из «воронка» потянулись задержанные, люди в гимнастёрках нетерпеливо притопывали каблуками сапог.

– Сколько? – крикнул высокий и молодцеватый мужчина, тряхнув заливчатским чубом.

– Двенадцать.

– Мало! Опять до плана не дотянули, – поморщился щеголь.

– А не скажи, Василий, тут ещё два обрубка валяется, – засмеялся водитель «воронка». – Я ж их считал. Всего четырнадцать. Там ещё баба и этот, вшивый, сифилитический, что с помойки. Тащите их!

– Сам и тащи! – повысил голос высокий мужчина. Он был самый молодой из всех, лет двадцати пяти, но вёл себя, как старший; резко повышал голос без причины, постоянно поддёргивал гимнастёрку, заправляя её под ремень. На петлице у него светилась полоска из тонкого красного сукна. У остальных полосок на петлицах не было. Водитель полез внутрь машины и сбросил на асфальт сначала нищего, затем безжизненное тело Галины Горбуновой.

– А ничего бабёнка, – смачно прицыкнул старший по должности. – Ядрёная.

– У тебя одни бабы в голове, – проворчал второй, с пустой петлицей, – а у нас план горит. Нам ещё пятьдесят человек надо сдать!

– Так завтра и сдадим, – небрежно взмахнул рукой щеголеватый мужчина и прикрикнул, – веди их на пути. Там на запасном состав стоит.

Нищий неловко поковылял к общей веренице задержанных, а бездыханное тело Галины осталось лежать на земле.

– А эту куда?

– Туда же! – повысил голос мужчина с алой полоской в петлице. – Куда и всех.

Два милиционера схватили Галину под мышки и поволокли животом вниз к железнодорожным путям. Туфли бороздили асфальт и вскоре одна за другой сползли с ног, кто-то отшвырнул их, и они сиротливо торчали светлыми пятнами на обочине дороги.

– Эй, там, принимай беспаспортных! Ровно четырнадцать. Считай по головам. Все без документов.

– А у меня есть документы! – Из толпы задержанных высунулся парень с чёлкой на поллица, на затылке у него ловко сидела кепка и почему-то не падала. – Я с футбола шёл. Меня на выходе со стадиона взяли. Вот мой паспорт!

– Давай сюда!

Парня быстро обыскали, паспорт отобрали и засунули обратно в общую очередь.

– Там разберутся!

Парень сердито замотал головой, но, наткнувшись взглядом на ствол пистолета, торчавший прямо перед его носом, испуганно укрылся в толпе. Из головного вагона вышел коренастый вохровец с багровым лицом и подошёл к людям в гимнастёрках.

– Завтра трогаемся. Приказано отбыть к пункту назначения.

– Как это – завтра? – удивился высокий милиционер, заправляя гимнастёрку. – У нас срок три дня.

– Утром отбываем! – отрезал вохровец. – Груз где?

– Да вот они, – махнул рукой, – все тут. Мы же план не выполнили. Нам ещё пятьдесят голов надо сдать.

– А у тебя, Василий, вся ночь впереди, – хмыкнул охранник, – успеешь нахватать. До семи утра приму. После – всё! Не уговаривай.

– Ты коммунист? – вскипел милиционер. – Ты коммунист, я спрашиваю?

– Я большевик, – обиделся вохровец. – Старый большевик. Приказано отбыть утром, отбуду. А твой план на твоей шее висит. Иди, выполняй!

Группа милиционеров уныло смотрела, как взбираются в вагон задержанные люди, неловко помогая друг другу, подталкиваемые нетерпеливыми охранниками. Галину подбросили в вагон, как мешок с мукой. Она грузно упала на пол, её утащили куда-то внутрь.

– Придётся облаву устроить! – вздохнул милиционер с полоской в петлице. – Приказ есть приказ. Айда, план выполнять. По театрам пройдемся. Там много всякого сброда болтается.

Люди в гимнастёрках вышли на Лиговку и осмотрелись. Впереди была бессонная ночь.

Глава вторая

Висевший на стене портрет поражал размерами и ещё чем-то неуловимо опасным. Поначалу невозможно было понять, почему это повесили, зачем и для чего. Кто-то ощущал исходящую от портрета угрозу, кто-то впадал в панику, но всем становилось страшно. Любопытный, встретившись с насупленным взглядом, терялся, словно уже совершил что-то противозаконное. За столом под портретом сидел человек в однобортном кителе-френче с отложным воротником и читал документы, иногда делая пометки карандашом. Раздался стук в дверь, и человек за столом вздрогнул.

– Входите! – раздражённо засипел хозяин кабинета. На пороге, угодливо улыбаясь, появился посетитель, невзрачный на вид, но с пронизывающим взглядом; его просьбу требовалось рассмотреть немедленно. Человек за столом внимательно посмотрел на вошедшего и поморщился, но, сделав усилие над собой, криво улыбнулся. Прошлое всегда настигает неожиданно. Много хочется забыть, а бывшее постоянно напоминает о себе.

– Разрешите обратиться, товарищ начальник Рабоче-крестьянской милиции!

– Э, Михась, опять ты! Ну, с чем пришёл в этот раз? Говори быстрее, у меня мало времени.

Человек в кителе нетерпеливо осмотрел посетителя. Глубокая морщина прорезалась на лбу, взгляд стал острым, как нож. Встреча не из приятных. Когда-то они были друзьями, но прошло много лет, за это время всё изменилось. Ну, или почти всё.

– Да как тут быстрее-то. – Посетитель посмотрел на портрет и, окончательно стушевавшись, закашлялся и затих.

– Опять туберкулёз, что ли?

Хозяин кабинета тоже закашлялся.

– Глеб Иванович, у вас тоже началось?

Посетитель подошёл к нему и осторожно положил руку ему на спину, помогая унять кашель.

– Ты, Миша, чего пришёл-то? По какой-такой надобности? – с трудом проскрипел Глеб Иванович сквозь раздирающие хрипы.

– Да тут у сослуживца жена пропала. Ну, я и пришёл, чтобы по-свойски узнать, не твои ли орлы её прихватили, как беспаспортную? Всех «бывших» похватали, кто без документов, ну и её в том числе под общую гребёнку. Всякое бывает.

Глеб Иванович мигом справился с приступом, сердито одёрнул китель и уселся поудобнее. Пошуршав бумагами, он нервно передвинул подстаканник, позвенел ложечкой и, сжав кулаки, сказал, глядя куда-то за спину необычного посетителя:

– Кашель у меня с Нарыма остался. Сам знаешь. Я лечусь. Ты не переживай. И сам лечись. Я чем смогу, помогу! И, Миша, запомни! У нас «всякого» не бывает. Наша власть для честных трудовых людей создана. Не зря мы столько крови пролили, чтобы народную власть установить. Здоровье потеряли. Ты с личными делами не приходи больше. Не пушу!

– Глеб Иванович, так мы ж вместе в Нарыме нутро морозили, как же это, а? Я же свой!

– Не приходи с личными делами. Всё! Это я тебе говорю, Петров Глеб Иванович. Начальник Рабоче-крестьянской милиции.

– Так ведь сослуживец – мой начальник. Сам он старый балтиец, а жена у него молодая, красивая. Жили хорошо, ладили. Да вот, беда, пропала. Два дня назад ушла из дома и не вернулась. Что делать-то? Мужика-то жалко. В городе, вон, беспаспортных ловят. На каждом углу облавы. И днём, и ночью ловят всё, ловят. К кому мне ещё пойти?

– Ладно-ладно, понял, – устало махнул рукой Глеб Иванович, – пусть твой балтиец напишет заявление. Мы разберёмся. Мои орлы приличных людей не трогают. А жена твоего сослуживца у любовника небось? Нечего жениться на молоденьких.

Начальник милиции скривил рот и долго поправлял китель, затем презрительно хмыкнул, отхлебнул чаю и успокоился.

– Да какой там любовник! – Взмахнул рукой Миша и подтёр нос сжатым кулаком, явно избегая смотреть на портрет на стене.

– У нас в городе слишком много развелось деклассированной сволочи, Миша, патронов не хватает. В каждом переулке советских граждан подкарауливают. После революции повылезали из всех щелей шаромыжники и мазурики разномастные. Лезут и лезут, размножаются на глазах, как инфекция. Кругом наркоманы. Хулиганы. Уголовники. Шестнадцать лет с ними боремся, никак не изведём. Ничего, сейчас мы их заставим жить по-нашему, по-революционному. Партия приказала никого не щадить. Всех на поселения отправим! Это мы в своей стране хозяева, а не эти переодетые громилы. Напялят на себя боевые гимнастёрки и красуются на Невском, тьфу ты, на проспекте 25 октября. Пусть-пусть напишет заявление твой балтиец, разберёмся! Мы их всех в кулак сожмём!

Глеб Иванович сжал кулак до костного хруста. Миша вздрогнул. Начальник милиции прямо на глазах неузнаваемо переменялся. Только что выглядел больным и крайне измождённым, с лицом, испещрённым бороздами морщин, а тут вдруг превратился в монолитную скалу. На скулах по-прежнему рдел бордовый чахоточный румянец, углы рта резко запали и зацвели болотной рыской – не иначе, от зелёной обивки письменного стола.

– Вы что ж это, прямо на месте их, да? – скашивая глаза на портрет, шёпотом поинтересовался Миша.

– Бывает, что прямо на месте, – неохотно сознался Глеб Иванович, – ну, это, особо опасных. Остальных в Нарым!

– В Нарым? – изумился Миша. – На погибель?

– Да не на погибель. Думай, что мелешь! На освоение земель. Нам Север надо осваивать. Стране хлеб нужен! Без хлеба мы загнёмся. Пусть деклассированные лучше землю пахут, чем в подворотнях торчат. А то моду взяли, среди белого дня людей пугают.

– А как же ревзаконность? – не отставал Миша, вдавливаясь в стул и стараясь казаться меньше и ниже, чем на самом деле.

– Наверху ещё осенью постановление приняли по всеобщей паспортизации населения. В нём всё по пунктам расписали. Мы с января без продыху работаем. А за неисполнение можно самому угодить, куда Макар телят не гонял. А я в Нарым не хочу!

– Да тебя-то за что? – Поёрзал на жёстком сиденье Миша. – Ты своё уже оттрубил.

– Было бы за что! Вон в Москве по осени перед принятием постановления шестьдесят комиссаров Рабоче-крестьянской милиции сняли. Разом. Подчистую. Это знак, Миша, чтобы другим неповадно было. Чтобы все остальные советские законы исполняли, как следует. Вот я и рапортую. Смотри, сколько бумаг исписал. Всё вручную. Машинисткам нельзя доверять.

Миша долго смотрел на стакан с чаем. Янтарная жидкость переливалась звёздными огоньками под светом настольной лампы. В кабине было почти темно, и лишь яркий круг света на столе подчеркивал мрачную обстановку помещения; низенький диванчик, огромный стол, два стула. На вешалке кожанка, местами до седины вытертая от времени.

– Глеб Иваныч, не щадишь ты себя, – с укоризной заметил Михась, – выглядишь на все шестьдесят, а ведь твоё здоровье ценнее золота. Ты ещё нужен партии.

Глеб Иванович поморщился. Ему не понравилось обращение верного товарища на «ты», но он промолчал. Болезнь вылезала наружу. От чужих глаз не спрячешься. Не скажешь же старому каторжанину, что тот не прав. Ничего, посидит и уйдёт. Тогда можно будет вволю откашляться без посторонних глаз.

Михаил понял, что нарушил субординацию. Он засуетился – забегал глазами, заелозил на стуле, что вызвало у хозяина кабинета новый приступ раздражения. Миша всегда был суетливым и угодливым до чрезвычайности. И сейчас старается угодить старому балтийцу, видно, хорошо пригнали его на новой работе. Всегда любил перед начальством егозить.

– Не суетись, Михась!

– Вы, Глеб Иванович, не сердчайте, что я по-простому. Я ведь не учёный какой, не из бывших. Университетов не кончал.

– Да брось, Миша, ты свой, наш, старый партиец, – ещё сильнее побагровел щеками Глеб Иванович. Михаил удовлетворённо хмыкнул, но тихо, чтобы не спугнуть доброго настроения старого товарища, а ныне большое начальство.

– Понимаешь, Миша, партия надумала решительно и бесповоротно извести деклассированную нечисть. Она хочет навести порядок в Стране Советов. Вот проведём паспортизацию и заживём как люди!

Глеб Иванович откинул голову на высокую спинку стула и мечтательно прикрыл глаза, будто демонстрируя высокий порыв. На самом деле он больше не мог говорить: грудь разрывало от боли и с трудом сдерживаемого кашля.

– А вчера пришло новое постановление Совета народных комиссаров «Об организации трудовых поселений ОГПУ». Особо секретное. Сижу, изучаю. Да, на-на, посмотри сам! Секретное постановление, но я тебе доверяю, Миша, как старому каторжанину. Смотри, тут всё по пунктам расписано!

«Постановление СНК СССР об организации трудовых поселений ОГПУ

20 апреля 1933 г. СЕКРЕТНО

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТА-НОВЛЯЕТ:

1. Возложить на ОГПУ организацию трудовых поселений по типу существующих спецпоселков для размещения в них и хозяйственного освоения вновь переселяемых контингентов.

Реорганизовать Главное управление лагерей ОГПУ в Главное управление лагерей и трудовых поселений ОГПУ, увеличив штаты в центре и на местах по согласованию с РКИ. Одновременно реорганизовать аппараты по спецпереселенцам в Сибири и Казахстане, предложив ОГПУ в 2-декадный срок представить структуру организации трудовых поселений в этих областях и местах расселения.

Начальником Главного управления лагерей и трудовых поселений ОГПУ назначить тов. Бермана М., а его заместителями по лагерям – тов. Раппопорта и по трудпоселениям тов. Фирина.

В создаваемые трудпоселения должны быть направлены следующие контингенты:

- а) выселяемые из районов сплошной коллективизации – кулаки;
- б) выселяемые за срыв и саботаж хлебозаготовительных и др. кампаний;
- в) городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда;
- г) бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства;
- д) выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины);
- е) осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно, кроме особо социально опасных из них.

2. Трудовое использование выселяемых контингентов осуществляется непосредственно Главным управлением лагерей и трудовых поселений ОГПУ путем организации в местах расселения сельского хозяйства, рыболовства, кустарных промыслов и других видов хозяйственной деятельности.

3. Возложить на ОГПУ организацию жилищного, культурно-бытового и социально-медицинского строительства в трудовых поселениях и обеспечения всеми видами снаб-

жения (продовольствие, промтовары, сельхозоборудование, инвентарь и пр.). Поселки создавать в пределах от 300 до 500 семейств каждый.

4. Обязать наркоматы и хозорганы, обслуживающие спецпереселенцев старого расселения, занимающихся сельским хозяйством и рыболовством (Нарым и Сев. Казахстан), не позднее 1 мая по балансу передать ОГПУ все денежные и материальные средства, полученные как в бюджетном порядке, так и по банковскому кредиту. Весь аппарат этих наркоматов и хозорганов, занятый обслуживанием спецпереселенцев, также передать ОГПУ.

5. Контингент вновь переселяемых приравнять во всех отношениях к спецпереселенцам, расселенным в 1930–1931 гг.

6. Обязать СНК автономных и союзных республик, облисполкомы и крайисполкомы районов выселения обеспечить выселяемых из сельских местностей 3-месячным запасом продовольствия на каждую семью и простейшим сельхозинвентарем (плуги, бороны, топоры, пилы и т. п.), а также одной лошадью на каждые 5 семейств.

Разрешить выселяемым вывозить с собою предметы домашнего обихода, а также деньги (без ограничения сумм). Разрешить выселяемым кустарям взять с собою простейшие орудия производства, как, например: швейные машины, сапожный и деревообделочный инструмент, а также предметы домашнего обихода».

– Вот, Миша, читай и вникай, как партия и правительство заботятся о трудовом народе. Даже предметы домашнего обихода разрешили с собой брать! Деньги! Инструменты! Живи, стройся, перерождайся! Правильное постановление, по нему мы и будем создавать новые поселения по типу существующих спецпосёлков для размещения в них и хозяйственного освоения вновь переселяемых контингентов. И новое управление создано. ГУЛАГ. Только что сформировали управление. Сложная предстоит работа. Мы всё старое перделаем, все условия создадим, и накормим, и напоим, и инструментом снабдим, а если люди не захотят жить по-новому, уничтожим их, под корень истребим. В великое время живём, Миша!

– Туда всех беспаспортных ссылать будете?

– Не только беспаспортных, а всех деклассированных, весь преступный уголовный элемент, всё отребье, доставшееся нам от царских времён, всех-всех...

Глеб Иванович снова закашлялся.

– А как же так? Ведь обычные люди пропадают, Глеб Иваныч. В очередях только и разговоров, что прямо семьями.... Город бурлит.

– А ты не слушай вражеские разговоры. У нас во всём учёт и контроль. Это наши основные принципы. А слухи враги народа распространяют. Не слушай их, Миша! Я вон, ночей не сплю, думаю, как план по паспортизации выполнить. Во внесудебном порядке за нарушение паспортного режима у нас осуждено 65 тысяч 661 человек, административно удалено больше 175 тысяч. Подумай только, сколько работы мы проделали! У меня руки дрожат от писанины. Секретная же работа, Миша!

– Не жалеете вы себя, Глеб Иваныч!

Михаил осёкся, он не ожидал, что его слова заденут за живое Глеба Ивановича. Тот выскочил из-за стола и принялся бегать по тёмному кабинету, будто загнанный волк. Совсем ослаб от болезни. Михаил сморгнул слезу и подтёрся кулаком. Не таким он знал brave каторжанина Глеба Ивановича Петрова. Тот был крепче, жёстче, сильнее.

– Понимаешь, Миша, мы ж не просто деклассированных в тайгу посылаем. Ты посмотри, почитай постановление-то! Вон оно на столе лежит, секретное, да ты бери-бери в руки-то, я тебе доверяю. Мы же не как при царском режиме, у нас всё по-человечески. Нет, мы не чета царям! Партия и правительство снабдит их хлебом, оденет, как людей, вооружит сохой и лопатой, и пусть эти трутни поработают на земле, пусть поймут, что такое честный труд. Наша партия заботится о каждом человеке. Надо, Миша, дело повести так, чтобы люди поняли,

что без всеобщего труда мы пропадём. Вот я сижу тут и думаю, как сделать, чтобы не просто очистить город от лодырей и бездельников, а чтоб они переродились, чтоб стали такими, как мы с тобой, Михась!

Глеб Иванович охнул и прислонился к стене под портретом. В углу рта показались крохотные капли крови. Миша дёрнулся, чтобы помочь, но, взглянув на портрет, передумал. Глеб Иванович с усилием погасил начавшийся приступ кашля и устало плюхнулся на стул. Промокнув носовым платком кровь, затем долго рассматривал под лампой тёмные сгустки.

– Чего пришёл-то? – глухим голосом спросил Глеб Иванович.

– Так, говорю же, у командира жена пропала. Два дня, как ушла. За хлебом. Третий день нету женщины. Помогите, Глеб Иваныч, командир у нас хороший мужик. Начальник секции. Жалко его.

Глеб Иванович яростно дёрнул головой и бросил платок под стол, но промахнулся и обшлагом кителя задел подстаканник. Стакан зазвенел и упал, топырясь широким серебряным днищем. Янтарный чай грязными разводами растёкся по зеленому сукну.

– Я уберу, Глеб Иваныч, сейчас уберу!

– Не надо, – усталым движением остановил его Глеб Иваныч, – без тебя найдутся, кому тут убрать. Желающих много. Ладно, я помогу тебе, Миша. Раз ты просишь, значит, надо помочь!

Глеб Иванович нажал на кнопку звонка. В кабинет вскочил сияющий милиционер, в новенькой гимнастёрке мышинового цвета, с пышным чубом.

– А-а, Пилипчук! А где Прокопенко? Не знаешь... Ты вот что, Василий, прими заявление от гражданина, у его сослуживца жена пропала. Как там её, Михась?

– Горбунова Галина Георгиевна.

Пилипчук застыл по стойке «смирно». Петров, искоса взглянув на него, и, поймав взгляд, обращенный на посетителя, раздражённо добавил: «Мой старый товарищ, Михаил Григорьевич Воронов, мы вместе в ссылке в Нарыме бедовали».

Замолчав, и, схватившись рукой за грудь, он кивнул на дверь. Пилипчук спохватился, расторопно подхватив Воронова под руки, почти вынес его из кабинета. За дверью раздался гулкий кашель, трубный и со свистом. «Опять кровью изойдёт», – подумал Михаил и расправил грудь. Сам он давно вылечился от туберкулёза. Почти два года питался барсучьим салом. Каждый день ел, с утра, на обед, иногда на ужин. Противно было, тошно, но помогло. Чихотка прошла. А сутулился он по привычке. Его на каторге много и часто били, вот и старался стать незаметным и малорослым, лишь бы не взглянули лишний раз.

Глава третья

Василий Пилипчук долго вставлял листы бумаги в машинку. Воронов с улыбкой наблюдал за ним. Симпатичный хлопец Василий, чистенький, красивый, высокий, губы яркие, сочные, как у девушки. И новенькая форма его украшает. Такому бы в Смольном у входа стоять, а не за пишущей машинкой горбатиться.

– Давно знаете Глеба Иваныча Петрова? – спросил Василий.

Старый каторжанин презрительно кхекнул, замешкавшись с ответом.

– Давно, спрашиваю, знаете? – Василий кивнул на дверь, из-за которой доносился утробный и натужный кашель.

– А тебе к чему это знать?

Воронов помотал головой. Станный этот Пилипчук, и вопросы странные задаёт, но лучше с ним не связываться. Надо добиться, чтобы Василий принял заявление на розыск Галины Горбуновой, а то Григорий Алексеевич вздумает искать жену самостоятельно и пропадёт ни за грош. С органами шутки плохи.

– Здесь я задаю вопросы!

Василий куражился над посетителем и не скрывал этого. Воронов потёр ладонью щёки, глаза, вынув из носа козявку, долго рассматривал на свету, затем медленно растёр её пальцами и сказал, обращаясь к самому себе: «Михаил Григорьевич, нас здесь не поняли! Пойдём-ка мы в другое место».

– В какое это другое место? – Василия аж скривило от отвращения. Слишком уж затрапезный был вид у посетителя. Сам Пилипчук сидит за столом весь наглаженный, наодеколованный, а заявитель козявки из носа таскает.

– А я самого Мироныча знаю, – подмигнул ему Михаил Григорьевич. – Вместе сживали. Было время. Вот к нему и пойду!

– Какого Мироныча? Самого Мироныча? – Вскочил Василий из-за стола, не забыв, впрочем, выдернуть бумагу из машинки.

– Да. Сейчас наберу его по прямому проводу от Глебушки, и тебя, поминай, как звали! Был Пилипчук, красавчик писанный, и тю-тю, нету красавчика Пилипчука. По этапу пошёл.

– Да я, да это, да у меня же приказ Глеба Иваныча. Говорите, что с вами случилось, Михаил Григорьевич?

– Запомнил имя-то? Молодец! Далеко пойдёшь, если милиция не остановит, – заперхал смехом Михаил Григорьевич, – ты пиши, давай, Вася, пиши!

– А почему муж без вести пропавшей сам не пришёл? По закону с заявлением могут обратиться только близкие родственники!

Василия распирало от желания хоть чем-то досадить посетителю. Он боялся, что Галину Горбунову найдут, и тогда выяснится, что он присутствовал при задержании, и тогда ему конец. Василий с трудом держался, но что-то распаляло его изнутри. Уж так хотелось вытащить из Воронова хоть какую-нибудь злобу, как занозу, но Михаил Григорьевич невозмутимо потирал влажные щёки грязноватыми пальцами.

– Важное задание у него. Занят он. Григорий Алексеевич Горбунов занимает ответственный пост. К нему комиссия приехала. По этой причине он не может покинуть место дислокации. Вот, меня откомандировал по этой части.

– Командировку выписал? – В прищуренных глазах Василия заблестел звериный огонёк.

– Да отгул у меня, отгул. Всё по революционному закону. Ты будешь писать, или Миронычу позвонить?

– Да пишу я, пишу!

Василий отодвинул печатную машинку и принялся шумно карябать лист бумаги. Перо разьежалось, падало, не желая подчиняться неумелым рукам.

– Так. Два дня назад вышла из дома и не вернулась Горбунова Галина Георгиевна. А кто её видел?

– Соседи видели. Из окна. Она вышла из дома в половине пятого в светлом пальто и новых туфлях светло-серого цвета. Всё светлое. Почти белое. В руке соломенная авоська. На голове причёска. Чего тебе ещё?

– Больше никто не видел?

Василий пыхтел, как паровоз, выводя букву за буквой. Почти не владея грамотой, он писал с трудом, словно делая чёрную работу.

– Никто!

Михаил Григорьевич думал, что если бы Галину Горбунову забрали, как беспаспортную, то Глеб Иванович знал бы об этом. В милиции обо всём знают. Говорит же, в органах во всём учёт и контроль. А, может, Галина в деревню подалась? Заела её тоска по родне, вот и сбежала. С деревенскими такое бывает. Вдруг затоскуют ни с того ни с сего и побегут, куда глаза глядят.

– Найди её, Пилипчук, но живой! Мёртвой она никому не нужна. Понял?

Михаил Григорьевич неожиданно преобразился. Пилипчук искоса поглядывая на него, удивился произошедшим изменениям. Воронов стал выше ростом, выглядел весомым и значительным, а голос загустел, будто цемент. Кривое и влажное лицо выпрямилось и подсохло. Под носом было чисто.

Василий Пилипчук покачал головой и вздохнул. Он не любил писать. Канцелярская работа ему не нравилась, но Глеб Иванович редко кому доверял секретные дела. Обычно секретными поручениями занимается Прокопенко. Пилипчику сегодня повезло. Стараясь оправдать доверие самого Петрова, он, едва не плача, продолжал скрипеть стальным пером.

– Что ж ты, чума, делаешь? – взревел Михаил Григорьевич, но, оглянувшись на дверь, понизил голос: – Я не обучался грамоте, и то знаю, что женщина пишется через «и», а не «ы». Галина не женщины, а женщина. Чумило ты, Василий Пилипчук!

– Я тоже пас овец под Харьковом, – легко согласился Василий. – Вам какая разница, Михаил Григорьевич, «и» или «ы»? Вам женщину надо найти или в нашу писанину залезть?

– Женщину найти!

– То-то же! Тогда вот здесь и распишитесь.

Михаил Григорьевич расписался и ушёл в полном удовлетворении от приёма и встречи со старым товарищем. Пилипчук ему не понравился, так ведь не к нему же приходил. Все люди не могут нравиться. В эту ночь Михаил Григорьевич спал крепким сном. Ему снились райские сады, сплошь засаженные стройными вишнёвыми деревьями в самом начале цветения. И хотя он знал, что не бывает чисто вишнёвых садов со стройными стволами, но всё равно верил, что этот чудесный сад вырастили для него, старого каторжанина.

Овеваемые тёплым ветром, вишнёвые лепестки неслись ему прямо в лицо, один из них попал прямо в глаз. Михаил Григорьевич почесался и проснулся. На часах уже шесть утра. Скоро в часть. Пора вставать. Ох, и обрадуется Григорий Алексеевич, что поисками пропавшей супруги займутся новые советские сыщики. От старых никакого толку не было.

* * *

В общем зале царило торжественное настроение. Несмотря на сложную повестку заседания, никто не чувствовал усталости. Лица присутствующих одухотворённо светились, освещая актовый зал дивным светом беззаветной веры в светлую идею. Григорий Алексеевич Горбунов третий час вёл собрание. Сегодня ему доверили заполнять секретный протокол.

На собрании главной повесткой дня стояла повсеместная паспортизация страны и создание новых поселений. В Ленинграде, Москве, и в целом по стране совсем нет жилья. Советское строительство находится в зачаточном состоянии. Стройки уже зарождаются; начали строить управление для чекистов на Литейном, в Нарвской заставе повсеместно возводят фундаменты первых жилых домов для рабочего класса, в центре строится новый дворец культуры. Но всё это только начинается. А сейчас, в данную минуту, где людям жить? Рабочий класс должен обеспечиваться жильём в первую очередь, но пока сдадут первые дома, пройдёт немало времени. В настоящий момент на каждого ленинградца приходится по три-четыре квадратных метра, а этого катастрофически мало. Бывшие барские квартиры поделены на клетушки. Люди ютятся в каморках по десять – двенадцать человек. Отсюда мордобои, убийства, разводы, бытовые преступления, нехорошие болезни. Необходимо срочно очистить город от деклассированных элементов. Партия и правительство заботятся о людях, строящих светлое будущее. В конце прошлого года было принято постановление о всеобщей паспортизации Страны Советов.

В январе текущего года вышло секретное указание о проведении чекистских мероприятий по обеспечению нового закона. Не все граждане заслужили советский паспорт. Многим будет отказано в учётном документе. Следить за выполнением постановления о паспортизации поручили чекистам. Именно об этих мероприятиях и говорили докладчики на сегодняшнем собрании. Григорий Алексеевич вёл протокол и заметно волновался. Ему предстояло выступить в самом конце собрания, он отвечал за резолютивную часть мероприятия. Всё было хорошо, но в затылке который день гноилась паскудная мыслишка, отдающая частнособственническим инстинктом. Три дня назад пропала жена Григория Алексеевича, молодая и красивая Галина, хохотушка, с милыми завитушками волос на шее, умильными ямочками на щеках и верная жена в придачу. Григорий Алексеевич изо всех сил гнал паскудную мыслишку, но она настойчиво возвращалась, мешая сосредоточиться. Спас положение помощник Горбунова. Михаил Григорьевич положил на стол готовую речь. Григорий Алексеевич пробежал глазами первые строки и весь вздёрнулся. Именно такая речь нужна сегодня на собрании. Молодец Воронов, не подвёл преданный товарищ, хорошую речь написал. Именно эти гневные слова ободряют товарищей в общем зале.

Стены морского клуба сплошь увешаны портретами вождей. Раньше здесь висели изображения разных адмиралов и военачальников, но руководство клуба заменило старые портреты на новые. Над трибуной прищурилось всевидящее око товарища Сталина. На правой стене сурово ощетинилось руководство страны, а с левой смотрело, будто в прицел, руководство Ленинграда. От портретных взглядов холодело в затылке. «Надо бы перевесить всех с левой стороны на правую, – подумал Григорий Алексеевич, – а то обвинят в левизне». Подумал и вздрогнул. Нельзя перевешивать портреты. Тогда самого обвинят в левизне. Сейчас модно осуждать левые взгляды.

Горбунов сурово покачал головой, стараясь выглядеть более монументальным. На него устремились двести глаз, сто товарищей ждут напутственного слова. На собрании должны прозвучать слова, определяющие жизнь коллектива крейсера на полгода вперёд, а он думает чёрт знает о чём. Члену партии не положено допускать частнособственнические мысли во время торжественного собрания. Устав партии запрещает думать о личном в ущерб общественному. Голова должна быть ясная и чистая, как оконное стекло, вымытое Галиной перед приёмом гостей. Горбунов нервно дёрнул шеей. Пропавшая жена постоянно вмешивалась в мыслительный процесс. О чём бы он ни подумал, во всём и везде присутствовала Галина. Так уж получилось, что они сроднились с женой, став единым существом. Мужчина и женщина приросли друг к другу. Судьба жены приводила Горбунова в отчаяние.

Воронов едва уловимым жестом указал на трибуну, мол, пора. Григорий Алексеевич похолодел от волнения. С трудом прогнав мысли о пропавшей жене, он слегка отпихнул Миха-

ила Григорьевича и шагнул на подмости, боясь оступиться. Через минуту Горбунов уже гремел с высоты.

– Товарищи советские моряки! В целях успешного достижения мероприятий, поставленных партией и правительством, по очистке Ленинграда от укрывающихся кулаков и уголовно-преступного элемента советским правительством только что принято важное и соответствующее постановление «Об организации трудовых поселений». Партия и правительство озабочено чисткой городов от ненужного сброда. Осенью было принято постановление о всеобщей паспортизации населения, в январе о проведении чекистских мероприятий, а сейчас необходимо создать условия по организации трудовых поселений. Партия и правительство призывают выжигать калёным железом заразу из нашего общества, ту заразу, что оставил нам в наследство царский режим. Мы не пощадим ни детей, ни женщин, ни стариков, никого, ради построения справедливого общества. Если надо будет уничтожить половину населения нашего города ради того, чтобы очистить улицы и дома от уголовной накипи, мы уничтожим не только половину, а гораздо больше. Если понадобится, уничтожим всех! Ради построения общества будущего мы не пощадим никого!

Товарищи! Наша милиция неустанно работает во исполнение всех пунктов постановления, но силы её иссякают, и мы обязаны помочь органам в их самоотверженном труде по восстановлению порядка и очистке города от нечисти и накипи всякого рода. Предлагаю составить список желающих войти в состав бригадмилыцев, товарищи советские моряки, мы должны быть в первых рядах по очистке нашего города, нашей страны от разного рода сволочей. Список составит мой помощник Воронов Михаил Григорьевич. Он уже ходит по рядам, подготовьтесь и внесите свои фамилии в состав бригады. Мы очистим наш город от врагов народа. Сергей Миронович обещал приехать сегодня, но, к сожалению, его задержали важные дела. В эту минуту товарищ Киров выступает перед рабочими Путиловского завода. Там тоже формируются составы бригадмилыцев из числа самых сознательных рабочих. Товарищ Петерсон лично примет участие в посвящении бригадмилыцев на площади Урицкого. Этот вопрос согласован и обсуждению не подлежит. Если понадобится, мы все в едином порыве встанем на очистку нашего города от неработающих и скрывающихся кулаков, от уголовно-преступного элемента. Мы их отыщем в притонах и кабаках. Мы достанем их на дне морском!

Вместо прожигания жизни эти нелюди будут трудиться в спецпосёлках на работах в сельском хозяйстве, рыболовстве, заниматься кустарными ремёслами, другой хозяйственной деятельностью. Товарищи! Отзовёмся на призыв партии и правительства и ответим мощным ударом по скрытому врагу, которого иногда можно не заметить и в наших рядах. Будем бдительны, товарищи! Поможем чекистам и милиционерам! В Ленинграде с начала года создано 45 пунктов выдачи паспортов, туда требуются кадры, мы сможем помочь органам в нерабочее время. Будем работать не ради денег, а за совесть! На нас смотрит товарищ Сталин!

Актный зал в едином порыве поднялся с мест. Люди стояли и хлопали, не прерывая оваций.

– На нас смотрит товарищ Киров!

Овации усилились. «На нас смотрит товарищ Медведь!» – В этом месте Григорий Алексеевич понял, что совершил ошибку. В зале не все знали фамилию главного чекиста Ленинграда. Овации не прекратились, но стали суше и жиже.

– Товарищ Петерсон!

Овации усилились. Его промаха никто не заметил. Григорий Алексеевич счастливо выдохнул. Воронов услужливо подвинул стакан с водой. Сегодня Михаил Григорьевич выглядел иначе, чем вчера. На нём складно сидел новенький френчик, на брюках вились ровненькие стрелки, руки были вымыты, хотя под ногтями таилась ночь, залысины поблескивали. Михаил Григорьевич любил баню, по субботам ходил мыться, но иногда пропускал помывку по уважительным причинам. Григорий Алексеевич заметил траурную каёмку на ногтях помощ-

ника, склизкие волосы, потянул носом воздух и вспомнил завитки на шее у Галины. Казалось, она стоит рядом с ним, прямо на трибуне, в новом цветастом платье, купленном в магазине «Смерть мужьям». Присутствие жены было настолько осязаемым, что Горбунов стал крениться вниз, как потопленный крейсер, но, скользкий от угодливости Воронов, ловко подхватил падающее тело и поставил на место, а сам спрятался за ширмой.

– Калёным железом. Суровой рукой. Киркой и лопатой! – Оглушительные овации заглушали слова Горбунова, а он всё кричал и кричал лозунги и воззвания, забыв, к кому обращается. В конце собрания Воронов бережно отвёл начальника в подсобное помещение, где долго отливал его водой, чтобы привести в чувство.

– Калёным железом, – прошептал очнувшийся Горбунов.

– Калёным-калёным, – мирно поддакнул Воронов, пытаясь влить в Григория Алексеича глоток воды прямо из графина. На шее Горбунова покоилось мокрое полотенце.

– Все записались в бригадмилыцы?

– Все сто. До единого. – Коротко кивнул Михаил Григорьевич. – Попробовали бы не записаться. Вот где они у меня!

Воронов сжал кулак, получившийся настолько хлипким, что Михаил Григорьевич смутился и разжал руку.

– А что с Галиной? Где она? – треснувшим голосом спросил Горбунов.

– Ищут. Обещали найти. Сам Глеб Иваныч Петров обещал. Старый большевик слов на ветер не бросает. Он честный партиец.

Григорий Алексеевич улыбнулся и просветлел лицом. Он верил партии, как самому себе.

Глава четвертая

Двухосная теплушка уже вторую неделю тряслась в пути. В вагоне, изначально предназначенном для перевозки скота, на скорую руку были сколочены двухъярусные нары, кое-где стены утеплили фанерными обшивками, по центру угнездилась печка-буржуйка. Вместо сорока человек в вагоне поместилось все восемьдесят пять. Битком набитый вагон открывали редко. С утра вытаскивали умерших за ночь, к вечеру считали людей по головам, как скот, ночью вталкивали новеньких. Днём редко кто заглядывал, вагон жил своей жизнью. Колёса монотонно отстукивали минуты и часы. На третий день сложившийся распорядок нарушился. Поезд остановился, и наступила тишина. Ни звуков, ни голосов. Безмолвие взорвалось шумом и грохотом. В вагон впихнули молодую женщину, растрёпанную и помятую. Конвойные матерились и смеялись.

– Ты, Маруська, здесь и родишь! Чай, не сахарная, не растаешь!

– Я же беременная, беременная я, говорю же вам! Не мните меня, больно же! – визжала женщина, вырываясь из рук конвоиров.

Дверь захлопнулась. Свет померк. Женщина замолчала и огляделась. В наступившей темноте светились глаза. Много глаз. Женщина всхлипнула.

– Беременная я!

– Ещё скажи, что на сносях, – хохотнули в углу.

Женщина вздрогнула и притулилась у двери, привыкая к темноте. Галина подползла к ней и взяла за руку, пытаясь успокоить дрожавшую от нервного озноба женщину.

– Не кричи так, а то здесь всякие люди. Обидеть могут, – прошептала Галина, поглаживая обмякшее тело несчастной женщины. – Какой срок у тебя?

– Седьмая неделя, – вполголоса буркнула беременная. – Тебя как звать?

– Галиной, а тебя?

– Марусей. Маруся Беглова я. На путях взяли. Меня муж ждёт. Мы на юг едем. Там, говорят, голода нет. Здесь у нас пересадка была.

Галина застонала. Она ещё верила, что всё уладится. Кому положено, тот разберётся, что совершили оплошность. Скоро выяснят, где надо, что задержали честных советских людей вместо гопоты. Марусин случай вывернул все мысли Галины наизнанку. Значит, не оплошность совершают. Это не случайность. Задерживают всех, кого не попадая, бросают в состав и везут на край света. И не смотрят, что муж ждёт, что документы есть. Кто попался на улице или на железнодорожных путях, тех и хватают.

– Не плачь, Маруся, как-нибудь, – пробормотала Галина, не понимая, как успокоить беременную женщину. Жалость выворачивала внутренности, отнимая волю к жизни. Жаль было себя и всех, кто был в поезде, даже уголовников.

– Попить бы, всё иссушило в горле, – пожаловалась Маруся.

– Нет тут воды, по вечерам приносят, сырую. Хлеб давали один раз. Тут верховоды завелись. Вон они, в том углу.

В сумраке Галина разглядела женщину; красивая, лицо ровное, гладкое, белое. Волосы выются, чистые. По лицу видно, что Маруся не изголодала. Руки не изнеженные, но не корявые.

– Меня муж ждёт, – заплакала Маруся. – Как он там без меня? Я же беременная! Всех хватают, не смотрят, что у людей документы имеются.

В дальнем углу снова засмеялись. Галина гладила Марусино плечо и думала, когда же всё прояснится, когда разберутся со всеми, кого несправедливо задержали? Ведь в вагоне таких много, а в поезде ещё больше. Галина представила, сколько народу везут железнодорожные составы в разные концы страны, и от этого стало ещё горше. Но в данную минуту

именно Маруся вызывала нестерпимую жалость. Галина мучилась от неспособности хоть чем-то помочь несчастной женщине.

– Ничего, ничего, как-нибудь, – шептала она, плача невидимыми слезами, боясь ещё больше огорчить Марусю.

Сумрак в вагоне сгустился, день близился к вечеру. Спёртый воздух понемногу растворялся в вечернем сквозняке. Дверь с грохотом отворилась, и в проёме возникли две фигуры, вырисовываясь зловещими силуэтами на закатном небе. Без лиц и глаз, одни очертания.

– И где тут наша беременная? – спросил один, а второй коротко хихикнул.

– Тут я, тут, – взвизгнула Маруся и подпрыгнула на руках у Галины. – Беременная я! Заберите меня отсюда!

Маруся резво поползла к проёму. Галина всплеснула руками. Куда она? Пропадёт же! Конвоиры весело гоготали, наблюдая за передвижениями Маруси. Так же весело подхватили её на руки и потащили по насыпи. Маруся задорно смеялась вместе с конвойными. Галина охнула и прижала руки к животу. Погубят безвинную женщину эти люди с винтовками. В дальнем углу тоже засмеялись, словно вторя ушедшим конвойным.

– Шас родит, прям в поле! На всех хватит.

– Это Маруська Беглова, с Буинского тракта. Известная воровка!

– Врёт, как пишет! Да она безграмотная. И мужа у неё сроду не было. Шас как загуляет с конвойными, вся страна услышит.

Шум и хохотки в углу стихли. Галина долго приходила в себя, борясь с нахлынувшими мыслями. Женщина оказалась воровкой. Никакая она не беременная. Значит, её забрали справедливо. В поезде везут всех, и виновных, и безвинных. От ощущения невыносимого ужаса Галине стало плохо, и она потеряла сознание. Очнувшись ночью. Поезд не спеша тархтел по рельсам. Колёса по-прежнему выстукивали монотонную песню. Вдруг состав дёрнулся и остановился. Галина услышала негромкие голоса. Конвоиры вполголоса жаловались кому-то на свою безрадостную жизнь.

– Лишенцев везём. Битком напихали в вагоны. Как селёдки в бочке. Им дышать же нечем. Мрут сотнями за день, чтоб им повылазило!

– А чего мрут-то? – пробасил кто-то из местных: у конвойных другие голоса, более визгливые, видимо, кому-то любопытно стало, куда людей везут, зачем.

– От тесноты. Говорю же, вагон рассчитан на сорок мест. А теперь не знамо сколько осталось. Мы отчитались за план, мол, на каждый вагон по 85, а там уж не наше дело. Велено четыре тысячи перевезти – перевезём! Скажут, десять тысяч, десять перевезём. Наше дело подчинённое. Нам не положено думать. За нас партия и правительство думают.

– Так-то оно так, – согласился басистый, – а куда ж вы мертвяков деваете? Это же целое дело. Труп вынести надо, сдать, кому положено...

Повисло молчание. Галина обеспокоилась. Ушли, что ли? Нет, не ушли.

– На рельсах оставляем, – нехотя признался конвоир, – путейцы после оформят. Они – люди понимающие. Доложат, куда надо, мол, нашли на путях неизвестного, а нам, понимаешь, нельзя нарушать госотчётность. Нам четыре тысячи перевезти надо.

И снова затянулось молчание. Голоса стихли надолго. Галина задыхалась от негодования. Какая несправедливость творится в Советской стране! Если бы знал Гриша, что его жену незаконно забрали среди белого дня и теперь неизвестно куда везут, он бы нашёл на них управу. Ничего, подождите, мой Гриша до Кремля доберётся! В нём такая сила заключена, многим не снилась. Старым большевикам партия и правительство большое доверие оказывает.

– Да как же вы перевезёте четыре тысячи, коли они у вас сотнямидохнут, чем отчитаетесь? – Голоса вновь оживились, но бас изменил тональность. Человек почти кричал, в его голосе слышалось недоуменное возмущение.

– Слышь, ты не ори так, – укорил его конвоир, – командир услышит ненароком. Он чуткий на шум. Мы по дороге навёрстываем.

В вагоне послышался сильный храп. Галина напряглась, боясь, что не услышит окончание диалога. От напряжения зазвенело в висках.

– Чего это навёрстываете, как это? – пробормотал басистый.

– А вот этак, берём и в вагон закидываем!

Послышался хохоток, сопение, возня, глухие удары прикладом. Тупой стук казался бесконечным. «По голове бьют», – догадалась Галина. Заскрежетала дверь, что-то тяжёлое обрушилось на пол, задребезжали рессоры, поезд валко тронулся, и Галина услышала тихий, немного басовитый вой. Конвоиры впихнули в вагон своего чрезмерно любопытного собеседника.

– Лезьте на верхотуру, – прошептала Галина, ощущая ноющую боль в сердце. Она не знала, чем можно было помочь несчастному человеку. Ему же невдомёк, что из вагона нет выхода. Отсюда никого не выводят. Только выносят. Вперёд ногами.

– А-а-а-а-а-а, – опомнившись, взвыл мужик, злясь на себя за неосторожные слова, сказанные среди ночи случайным людям. Кто же знал, что они окажутся конвоирами с нечистой совестью.

Поезд ещё не разогнался, как внизу послышался грохот. Галина обхватила голову руками, стараясь не слышать, что происходит внизу, но всё слышала, словно происходящее творилось внутри неё. Снова загремел засов, заскрежетала дверь, послышался детский плач.

– Ты этого-то раздень, а то сбежит бородастый. Штаны с него сними, без штанов он никуда не денется! – Властный голос принадлежал старшему конвоиру Фоме Хомченко. Послышалась возня, ругательства, детский плач стал звонче.

– А девчонку куда?

– Кинь её в угол, там место есть!

Послышался мягкий удар, снова что-то шмякнулось, плач прекратился. Галина открыла глаза и пыталась всмотреться в темноту, но ничего не увидела. Засов лязгнул, голоса стихли. Поезд набирал ход. Галина осторожно спустилась вниз, наступая кому-то на головы. Люди стонали во сне, ругались, матерились, но никто не проснулся. Волна свежего воздуха утонула в духоте вагона. Стало трудно дышать.

– Ты откуда, девочка? – прошептала Галина, нащупывая тонкую детскую руку.

– А-а-а-а-а-а, – на руку Галине полились слёзы.

– Откуда ты? – Звук собственного голоса показался Галине чужим, словно это не она говорила. Осторожно обняв девочку, потащила за собой, стараясь не разбудить спящих. Девочка мычала и плакала, трясаясь в лихорадочном ознобе. Галина сначала положила ребёнка, затем сама взобралась по доскам на верхние нары. Чужие незнакомые люди лежали вповалку, кто валетом, кто голова к голове, все шумно дышали, натужно, хрипло, словно не спали, а несли на себе тяжёлый груз.

Галина прижала девочку, пытаясь понять, как могли засунуть ребёнка в вагон для пересылки беспаспортных, откуда её взяли? Девочке по возрасту не положен паспорт. По пути следования состава конвоиры вели себя развязно, но всё-таки соблюдали меры предосторожности. Они не вели лишних разговоров в присутствии задержанных, если выбрасывали трупы из вагона, то делали это ночью. Днём старались не привлекать внимания железнодорожников. К стоянкам поезд подходил не по расписанию, часто останавливался в пути. Конвоиры между собой шептались, что поезд внеплановый, его не ждут на конечной станции, а где эта станция, никто не знал. Когда стало понятно, что даже конвойные не знают, куда следует состав, всем стало жутко.

Охрана была строгой. Никого из вагона не выпускали, за малейшее нарушение стреляли. Однажды, ещё в начале пути, пристрелили какого-то уголовника. Тот выскочил на станции,

чтобы разжиться махоркой, но был смертельно ранен выстрелом в спину. Уголовники мигом втащили в вагон раненого собрата, но через два часа он скончался, а к утру его уже не было. Остальные вели себя осторожно, стараясь не попадаться конвоирам на глаза. Все научились смешиваться с толпой, чтобы быть незаметнее. Так легче было переносить тяготы трудного пути. Галина мысленно пожелала мужу спокойной ночи и впала в забытие, прижимая к себе плачущую и дрожащую девочку. Она тоже научилась забываться, часто переносила себя в прошлую жизнь, чтобы не оставаться в этой. Колёса стучали, а она напевала, мысленно отглаживая мужу форменные брюки. Гриша служил на боевом крейсере, который собирались списать на берег и сделать его учебным судном. А ведь Григорий Алексеевич бывалый моряк со стажем, для него служба на учебном корабле совсем не то, что на боевом. В последнее время Гриша стал немного отчуждённым, всё думал, как сложится судьба крейсера и его, морская. Галина верила, что муж найдёт её, всё перевернёт, дойдёт до самого верха, но отыщет жену.

Григорий Алексеевич Горбунов женился по любви. Он увидел Галину на трамвайной остановке в Ленинграде. Та ехала поступать в лесной техникум, волновалась, постоянно рылась в сумочке, проверяя, не потеряла ли документы, а Горбунов спешил в порт. Вдруг он заметил, что у Галины выпала какая-то бумажка, подскочил и, подобрав, стал выдёргивать у неё сумочку, чтобы положить туда документы. Она же подумала, что мужчина в форме хочет её ограбить, что никакой он не военный, а переодетый грабитель, и мигом вцепилась в сумку. Они закружились, играя в игру «ну-ка отними». Он отнимал, она не отдавала. Наконец Галина поняла, что ошиблась, а он смутился от своей неловкости, и они долго смеялись, забыв, что каждый из них спешит по своим делам. Так они и познакомились.

Потом Горбунов ушёл в плавание. Галина получала от него нежные письма, где он называл её голубкой и птенчиком. Пока крейсер бороздил воды северных морей, Галина окончила техникум и получила распределение в Архангельск. Уже и документы были готовы, и билеты на руках, вдруг в общежитие влетел как молния Григорий Алексеевич. К тому времени Галина уже знала, что Гриша значительно старше нее, что он воевал на Гражданской войне, у него есть ордена, что он заслуженный военный. Возраст жениха не испугал девушку. Она его любила больше родных, и не было для неё ближе человека.

Из общежития они пошли в загс, Гриша нёс её фанерный чемоданчик. Галина чуть не умерла от счастья, когда их объявили мужем и женой. Жили хорошо, но детей всё не было. И вот случилось. Галина ощущала в себе новую жизнь и старалась не думать, что будет дальше. Долгожданная беременность приносила ощущение счастья, но то, что творилось с ней сейчас, пугало и заставляло Галину сжиматься от страха. Что будет с ребёнком? Что будет с ней, с Гришей? Как всё сложится?

После случая с Марусей Бегловой Галина старалась не соприкасаться с реальной жизнью, с той, что была в вагоне. Непонимание происходящего доводило до безмолвного исступления. Иногда ей казалось, что она во сне. Ничего не случилось, просто приснился страшный сон, и его нужно пережить. Всё на свете кончается, но реальная жизнь в вагоне упрямо продолжалась. Утром выяснилось, что конвоиры закинули в вагон путевого обходчика. Он осматривал состав ночью и из любопытства заговорил с конвоирами. Старый железнодорожник всего навидался на своём веку, но от того, что случилось именно с ним, обезумел. Старик смотрел в одну точку и мычал, не в состоянии сказать ничего вразумительного. Галину сотрясала жалость к старику, но она боялась его безумия. Страшно было прикоснуться к нему. Галина возилась с девочкой. Та всё повторяла: «Мин урусча сойлэшним. Мин урусча сойлэшним!» Симпатичная девочка с раскосыми глазами, лет двенадцати, вероятно, татарская девочка, не знает по-русски ни одного слова. Лоб горит, на лице испарина, тельце влажное. Галина вспомнила, что в дальнем углу ютится семья раскулаченных татар, они возвращались из ссылки на родину, их взяли на железнодорожных путях, когда они шли к своему поезду. Галина пробралась к пожилым людям и

попросила поговорить с девочкой. Глава семьи знал русский, подошёл, положил руку на лоб девочке, что-то пошептал. «Молится, – подумала Галина, – по-своему, по-татарски».

– Она Роза. Они в Казань едут. К дяде в Москву ездили. На вокзале мать за кипятком послала. Там ещё ребёнок есть. Конвоиры отобрали у Розы бидон. Она плачет, боится, что мать накажет за бидончик. Медный был. Хороший.

– Ах ты, Господи, её-то за что? – всполошилась Галина. – Как же это так? Она же ещё ребёнок!

– Вот так! – Развёл руками старый татарин. – Мы тоже из ссылки едем. Нас на родину вернули. Мы не были кулаками. Нас по ошибке сослали. И документы при нас. А сюда записали при пересадке. Нам в Казань надо было.

– А что же говорят? Почему вас опять забрали?

– Сказали, мол, там разберутся. А где это – там, не сказали. Ты, дочка, осторожно здесь. Ты красивая, яркая, приглянешься кому из этих. Не дай бог! На вот, возьми это. Прикройся.

Старик подал Галине старый полушубок, больше похожий на дерюгу, и изношенные онучи, сшитые из рогожи. Галина схватила дерюжку и онучи, босые ноги мёрзли в поезде. Натянув онучи, уткнула в дерюжку лицо. Как, как пережить этот ад? Бывшие ссыльные уселись в своём углу и, стараясь быть потише, всё о чём-то шептались на татарском языке. Галина вздохнула и приобняла девочку, укрыв её старым полушубком.

– Розочка, выздоравливай, сладкая! Не болей, – шептала Галина, вздрагивая от мысли, что Роза может умереть. Вдвоём всё-таки легче.

– Явыз! – сердито прошипела девочка и уснула.

– Что это такое – явыз? – Галина беспомощно оглянулась на старика, но до него было далеко.

За сутки вагон пополнился новыми людьми. Лёгкая весенняя одежда не спасала от ночной стужи. Днём в вагоне было душно, а ночью по полу гулял ледяной ветер. Где-то в конце состава был аптечный вагон и лекпом, но конвоиры только трясли прикладами, когда задержанные обращались за медицинской помощью. Ежедневно выдавали хлеб – но не каждому, а общей долей. Уголовники – а их было на вагон шесть человек, весь хлеб забирали себе, остальные питались корками и обрезками, которые бросали верховоды. Отъём хлеба уголовники сопровождали главной прибауткой: «До восьми ваше, с восьми наше!». Эти слова постоянно звучали на нарах для шестерых. Что значили эти слова, никто не знал. Потом поняли, что это любимая прибаутка всех гопников и налётчиков, мол, после восьми часов, когда вернётесь с работы, всё ваше имущество будет уже наше. С этими словами грабят и убивают, чтобы веселее было.

Со временем люди смирились не только со словами, но и с обстоятельствами. Галина поначалу мучилась вопросом: почему уголовники присвоили себе право командовать всеми? Почему им никто не противостоит, хотя в вагоне полно сильных и крепких мужчин и их больше, чем гопников? Все молча терпели. Состояние людей было подавленное. Общая тоска поселилась в вагоне для скота. Одни уголовники веселились, с нижних нар постоянно доносились взрывы смеха, матерки, сальные анекдоты и байки. Все шестеро явно играли на публику, хвастаясь своими похождениями в уголовном мире. Весь день проходил под аккомпанемент разудалой компании. Затем наступала ночь, и вагон погружался в лихорадочный сон. Все понимали, что состав большой, в других вагонах тоже едут люди, и куда всех везут, никто не знает. Даже конвоиры.

Глава пятая

В небольшой комнате Михаил Григорьевич рисовал графики, вычерчивая линейкой прямые и косые линии. Сзади тихо подошёл Григорий Алексеевич.

– Михаил, как дела?

Воронов вздрогнул, затрясся всем телом, присев на стул, прижал руку к сердцу.

– Алексеич, ты прям, как подкрался! Напугал меня. Сердце, как воробей прыгает.

– А я думал, ты ничего не боишься, – невесело засмеялся Горбунов. – Ты же все каторги прошёл, тюрьмы, ссылки. Чего тебе бояться?

– Так потому и боюсь, что напугали на всю жизнь. Мы, старые каторжане, боимся, когда со спины заходят. Самый страх в этом состоит. Ладно, раз пришёл, Алексеич, докладываю, дежурства бригадмилыцев проходят успешно. Вот графики дежурств. Вот росписи. Вот галочки, кто был, кто болел.

– Много больных?

– Да нет, только один справку принёс, спина у него отнялась, грузы таскал, подрабатывал. А так все, как один, ходят на дежурство.

Горбунов вздохнул и откинулся на спинку стула, стараясь вдохнуть, как можно больше воздуха.

– Миша, так что там, по поводу Гали моей? Ищут её?

– Ищут-ищут, Алексеич. Все больницы проверили, все кладбища, морги, психушки. Нету твоей Гали нигде. Ни следочка не оставила.

Воронов заметил, что при слове «кладбище» Горбунов вздрогнул и подавил вздох. За короткое время Григорий Алексеевич изменился, постарел, заметно усох. Михаил Григорьевич отвернулся, он воспринимал чужое страдание, как своё.

– Найдётся твоя Галина Георгиевна, Алексеич, – сказал Воронов, пытаясь скрыть сочувствие: Горбунов не любил, когда его жалели. – Весь город перетрясём, но найдём. Мы же на дежурства с Пилипчуком ходим. Он у нас в Ленинграде главный по облавам.

– Как это – главный по облавам? – удивился Горбунов.

– А его назначили главным по всеобщей паспортизации города. Нет, начальник там другой, Глеб Иваныч Петров, а Пилипчук у него замом работает. Вот вместе с ним и шерстим весь город, авось и твою Галину отыщем. Пилипчук с первого дня, как постановление о паспортизации вышло, работает по очистке города от деклассированных. Он должен учёт вести, контролировать. Хороший парень! С огоньком работает. У него самые лучшие показатели.

– А где облавы проходят? – заинтересовался Горбунов.

– Так везде! У театров, на вокзалах, на железной дороге, на автобусных остановках. С нами машина, шесть милиционеров, и мы, бригадмилыцы. Но у нас работа не очень опасная, мы же бандитов не ловим, только беспаспортных отлавливаем.

– А потом куда?

– Что – куда потом? – Не понял Михаил Григорьевич.

– Ну, отловили, поймали, а потом куда их?

– А-а, потом в состав везём. На вокзал. Всех на пересылку.

– А где пересылка?

– Много, но мы отсылаем в шесть пересылок. Из Ленинграда обычно везут в Томскую пересыльную комендатуру, и если там не принимают, тогда направляют в другие отдалённые места. А в Томск дорога прямая от нас, вот и везут туда. А чего спрашиваешь-то, Алексеич?

– Михаил, знаешь, что я хочу тебе сказать?

Горбунов многозначительно замолчал. Во время вынужденной паузы Воронов изменился, из благополучного человека превратился в бродягу: глаза разъехались в разные стороны, под носом появилась сырость, нос практически упал на левую щеку.

– Говори уже, Григорий Алексеич, не томи! – взмолился Михаил Григорьевич, не делая попыток вытереть под носом.

– Я тебя подобрал, Миша, в подвале, сделал человеком, дал работу. Ты получаешь жалованье, небольшое, но тебе хватает. Без меня ты бы пропал, так?

– Ну, так, пропал бы, – согласился Воронов и снова взмолился: – Да говори, к чему клонишь, Григорий Алексеич?

– А вот к чему клоню, мне кажется, что ты, Михаил, скрываешь от меня правду. Боишься сказать, что мою Галину забрали как беспаспортную.

Они смотрели друг на друга и ясно видели, о чём думает каждый. Михаил соглашался, что без Горбунова пропал бы, умер от чахотки, а Григорий Алексеевич сверлил взглядом своего помощника и требовал признаний. Воронов сдался первым. И не потому, что боялся потерять работу, а потому, что не мог больше видеть страданий Горбунова.

– Эх, Григорий Алексеич, ты мне, как брат родной, никто мне не помог в тяжёлую минуту, а ты подал руку, и ни разу не попрекнул помощью. Уважаю, Григорий Алексеич, крепко уважаю! А по поводу твоей жены вот что скажу, я тоже думаю, что её замели во время облавы. Я её ищу в этом направлении, но, понимаешь, всё дело в том, что они списков не составляют.

– Как это? – вскрикнул Горбунов и, вскочив со стула, прижал Воронова к столу, но, опомнившись, отпустил помощника. – Извини, Михаил, не сдержался.

– А-а, свои люди, что уж там, – махнул рукой Михаил, – не составляют они списков. Никаких следов, чтобы не было. Только по головам считают.

– Так это же статья! Это же вредительство! За это расстреливать надо!

Горбунов кричал, но не верил, что такое может происходить в революционном городе, где сам Мироныч всем заправляет.

– Цифру сверху спустили. Сам Ягода. Её выполнить надо. А где эти миллионы набрать? Хоть бы половинку наскрести... Вот и хватают всех, кто попадётся на глаза. Говорят, мол, там разберутся.

– А-а, понятно, бояться наследить, – прошептал Горбунов. – Завтра на приём пойду. К этому, как его, Петрову.

– Я позвоню Глебу Ивановичу, – засуетился Воронов, но Григорий Алексеевич погрозил пальцем и сказал: «Не смей! Не надо звонить. Сам запишусь!»

Григорий Алексеевич, стиснув зубы, вышел из комнатки, служившей в морском клубе агитационным кабинетом. Его трясло от негодования. Как можно задерживать людей, если у них имеются документы? Партия не допустит такого произвола. Всех виновных накажет. Григорий Алексеевич был уверен в справедливости советской власти. Он знал, как жили люди до революции и как стало сейчас. Партия провозгласила власть простого человека. Любой и каждый может стать полноправным гражданином Советской страны, если у него есть на то основания. Сомнений в существующей власти у Горбунова не возникало. Если и есть недостатки, то они временные. Провинившиеся будут выявлены и наказаны. Григорий Алексеевич был прямолинеен и строг, но справедлив. После ухода Горбунова Воронов долго сидел за столом, бездумно рисуя карандашом на чистом листе бумаги витиеватые фигуры, затем спохватился и стёр рисунки влажной ладонью.

* * *

Роза понемногу привыкала к новым условиям, она меньше вздыхала, пыталась говорить. Галина гладила худенькое тельце девочки, шепча разные слова, думая, что та ничего не пони-

мает, но Роза оказалась умненькой и сообразительной, она быстро запоминала русские слова и вскоре уже понимала, о чём говорят в вагоне.

– А что такое явиз, Роза? Ты часто повторяешь это слово, о чём оно, – спросила Галина, не надеясь на ответ. Девочка ещё не всё понимает по-русски.

– Злой, жестокий!

Галина молча согласилась. Сейчас явизом были все, кто охранял и сопровождал страшный состав. В конце второй недели в вагоне начались болезни. Кто-то надрывно кашлял, другой задыхался, третий поносил. Конвойные ругались, от параша несло, как от сгнившего трупа. Галина смотрела сверху и боялась подумать, что заболит, но болезнь не разбирает, на кого напасть. Сначала у Галины зачесалась рука, затем всё тело. Она осмотрела себя, затем задрала рубашонку на девочке. Так и есть. Вши сделали своё дело. Кожа покрылась волдырями. Если это тиф, то весь вагон расстреляют и сожгут. А потом скажут, что так и было, мол, сами себя подожгли. Что взять с беспаспортной шпаны? Галина спустилась с нар и подошла к двери. Из щелей дуло. Галина поёжилась. Наверху не продохнуть, а внизу ноги покрылись инеем. Куда-то на север везут, что ли?

– Эй, красавица, чего тебе? – раздалось с нижних нар. Галина вздрогнула. Она утратила чувство опасности. Разве можно стоять в пальто без дерюжки? Эти мазурики сейчас пристанут, не отобьёшься.

– Лекпом нужен, я заболела, вот, что у меня, – она вытянула руку и ужаснулась. Кожа горела. Крово-красная рука полыхала огнём.

– Вассер! Ну-ка, посмотри, Сивый, может, у неё тиф? – скомандовал главварь уголовников, самый наглый, самый циничный; голос у него хриплый, с надрывом.

– Не-а, не тиф, – успокоил Сивый, осмотрев руку Галины. – Это у неё подкожные черви завелись. От одёжных вшей. У меня такое было. В лагере на Вишере. Не бойсь, Мизгирь, она не заразная. Брысь наверх, не появляйся внизу! Увижу – зачмарю!

Галина покорно полезла наверх. Обняв Розу, она долго плакала, пытаясь представить, чем занимается сейчас Гриша, но не смогла, потому что утратила чувство времени. Его все утратили. Поезд оказался в безвременье. Его никто не ждал, все от него отказывались, ни одна станция не принимала. Состав перегоняли с одного пути на другой, поезд перекачивался по рельсам, машинисты не понимали, куда и в какую сторону им передвинут стрелку.

У Галины начались страшные дни. Всё тело зудело и горело, кожа чесалась, гнойные волдыри лопались и воспалялись. Вскоре все тело стало похоже на сплошную рану. То же самое творилось и с Розой. Обе мучились, понимая, что когда-нибудь наступит конец мучениям, но конца всё не было. Состав гремел и гремел по рельсам. Случались редкие стоянки, но они не приносили избавления. Никто не приходил к составу. Он был сам по себе. Казалось, что это путешествие из крошечного ада в пустоту. Ничего и никогда уже больше не будет. Только пустота.

* * *

Зуд прекратился неожиданно, как и начался. Галина осмотрела руки, ноги, живот, всё тело напоминало сплошной гнойник, но оно привыкло к инородным обитателям. Черви и вши стали нормальным состоянием. Роза тоже не чесалась. Детская кожица, тонкая, как папиросная бумага, почти рвалась в районе ранок и воспалений, но Роза стойко держалась, поражая Галину твёрдостью характера.

Без зуда стало немного легче, зато внизу взбесились уголовники. Сначала они тихо переговаривались, затем принялись вышвыривать вещи и тряпки в поисках источника заражения. Вши добрались и до них.

– Вот что, Мизгирь, поехали на верхотуру. Пусть эти чесоточные лезут вниз, а мы наверх.

– Весь бздёж туда идёт, – проворчал Мизгирь, – духота опять-таки. Задохнёмся! Снова пошебуршали, закричали.

– Полезли наверх. Щас, я верхних скину, а мы перетрясём тут всё, а то мусор сюда сыпется. Вон сколько накидано.

Обитатели верхних нар покорно полезли вниз. Верховодам достаточно лишь посмотреть, чтобы обитатели вагона беспрекословно выполнили их волю. В этот раз взглядами не обошлось; в ход пошли ругательства, мат и проклятия. Среди уголовников затесался китаец – маленький, шустрый, как обезьянка. Он ловко сновал вверх и вниз, подавал тряпки, что-то выбрасывал, вытряхивая мусор на голову людям, лежащим на полу. Все терпеливо пережидали, когда закончится обустройство уголовников.

Галина смотрела на других мужчин, надеясь, что у них вспыхнет чувство гордости, самоуважения. Но нет: они на коленях переползали с места на место, укрывались каким-то тряпьем и молча смотрели в одну точку. Что они там видели, навечно останется тайной. Может, видели родных, детей, родителей, может, что-то другое. Галина презирала этих людей и одновременно жалела. Она тоже смотрела в одну точку, пока не появилась Роза. Девочка нуждалась в защите, а Галине требовалась хоть какая-то ниточка, привязывающая её к жизни. Будущий ребёнок, любимый и любящий муж были где-то далеко, на другой планете, в другой жизни. В этой у нее не было ничего. Только Роза. Через тонкую детскую кожу Галина ощущала биение пульса, требующего продолжения жизни. Девочка не хотела жить, но организм боролся за право существования на этом свете. Роза должна жить, и её нужно спасти.

Но все мечты о будущем меркли, как только начиналась делёжка хлеба. Конвоиров устраивало, что шесть уголовников держат весь вагон в страхе. Поутру открывалась дверь, первым делом выносили переполненную парашу, затем на верхние нары бросали мешок с хлебом и дверь закрывали. Пропуск в жизнь здесь не выписывали, всех везли на смерть. Постепенно люди догадались, что их никто не спасёт. Их судьба была предрешена ещё там, в центре страны, в процессе формирования состава. И от этого осознания становилось ещё горше, чем в начале пути. Галина совсем перестала спать. Организм включил какой-то странный механизм: сон стал частью бодрствования. Галина всё время наполовину спала, не просыпаясь, а вторая часть организма застыла в напряжении. В состоянии глухой дремоты она часто вспоминала Марусю Беглову. Единственный человек, спасшийся от неминуемой гибели, оказался бывалой преступницей. Обычная воровка смогла избежать страшной участи.

Как-то раз ночью слышались негромкие голоса. Уголовники о чём-то переговаривались. Галина прислушалась, обхватив Розу одной рукой, второй оперлась на локоть, чтобы лучше слышать.

– Слышь, Мизгирь, а ведь нас в Томск везут. Я слышал сегодня на станции, что-то про Курган бормотали, а Курган по дороге в Томск. Я уже был на этом этапе.

– В Томск так в Томск, – проворчал Мизгирь, отхлёбывая и причмокивая. Уголовники устроили выгодный обмен: за отнятый у несчастных людей хлеб, у конвоиров получили спирт. В стране голодное время – все хотят хлеба и его на всех не хватает.

– Да, хреново, что в Томск. Туда всех раскулаченных отправляют. Прямо в лесах оставляют. Без ничего. В чём мать родила.

– Да нас-то не оставят. До Томской тюрьмы дотянем, а она нам дом родной. Из неё мы ни ногой. Пусть этих везут, куда хотят. Не ной, Комар! Хватит! А где китаец?

– В угол забился, вон, под тряпками.

– А чего с ним?

– Спирту не досталось, вот и обиделся. Надулся, как клоп на перине.

– А давай его сюда! Заскучал я.

Послышалась возня, всхлипывания, придушенные возгласы. Вскоре на верхних нарах началось что-то непонятное; ритмичные движения расшатывали и без того ветхое сооружение.

Стоны, ругань и визг китайца дополняли треск и стукотню, доносившиеся сверху. «Это что же, он с китайцем, как с женщиной живёт, что ли? Запугать нас хочет, мол, мне всё нипочём, что хочу, то и ворочу», – впадая в глухую дрёму, успела подумать Галина. Весь вагон со страхом ждал, когда обрушатся верхние нары.

Галина встрепенулась. Схватив ребенка, она метнулась вниз, спасая не себя, а в первую очередь девочку. Едва они приткнулись к человеческой куче на полу, как верхние нары обрушились. Поезд шёл себе, не подозревая, какую муку испытывают люди в вагонах. Матерная брань и вопли долго звучали в вагоне, пока не разбудили конвойных, те спросонья застучали прикладами куда попало. Мигом стало тихо. Измученный китаец забился в угол на полу и тихо скулил, как побитый щенок. Галина гладила Розу по спине, пытаясь унять собственную дрожь. Роза тихо плакала. Она не осознавала, что произошло, но по состоянию Галины поняла, что случилось что-то страшное. Обе забылись под стук колёс. Они не уснули, а просто провалились в чёрный квадрат вагона. Люди исчезли. Галина и Роза остались вдвоём в пустоте.

Глава шестая

Ночное происшествие ещё больше подавило волю арестантов. Люди вжимались в пол, пытались раствориться, исчезнуть, лишь бы не мучиться. Галина всматривалась в полумрак и многих узнавала в лицо. За время в пути люди примелькались, хотя обстановка не располагала к общению. Все молчали. Иногда слышались шепотки, но тут же всё глохло. За время пути невольники выработали внутреннюю непроницаемость. Каждый старался быть как можно неприметнее, но один выделялся из толпы и выглядел вполне пристойно.

Николай Петрович Вяхирев окончил Межевой институт ещё до революции, при советской власти работал инженером в Мособлпроекте, его задержали у Покровских ворот, когда он шёл к сестре. С места задержания его сразу отправили на вокзал. По дороге обещали, что там разберутся. Где это там и кто разберётся – не объяснили. В вагоне он занимал самое невыгодное место, у дверей. Это по нему стучали прикладами, когда конвоиры открывали засов. Вяхирев с достоинством терпел все унижения. Галина решила заговорить с ним. Лицом, особенно в профиль, Николай Петрович напоминал ей мужа Гришу. В шляпе, в добротном костюме Вяхирев выглядел солидно, несмотря на обтрепавшийся и замученный вид.

– Эй, вы, почему мы молчим? Ведь это невыносимо. Надо что-то делать!

– Молчите, умоляю вас! – почти простонал Вяхирев. – Разве не видите, что творится?

– Вижу, – пробормотала Галина, – а за что нас забрали? Меня, вас, всех?

Вяхирев посопел, хотел было что-то сказать, но передумал, лишь глубже надвинул шляпу на лоб.

– Молчите? Ну и молчите дальше, – разозлилась Галина, – мы все умрём, или нас всех перестреляют. Вот увидите!

– Уже вижу, – кивком подтвердил Николай Петрович. – А вы можете что-то изменить?

– Не знаю! Я понимаю, что ничего не могу изменить, но ведь так нельзя!

Галина мысленно осмотрела весь вагон. Конвоиры сказали, что всего в поезде четыре тысячи задержанных. Из них небольшой процент уголовников, какое-то количество сбежавших из ссылок раскулаченных, а большая часть – обычные люди. Если кто-то попытается сбежать с поезда, его пристрелят на месте. Оставалось одно – оставаться в вагоне, а это означало – обречь себя на медленную и мучительную смерть.

– Нельзя, – нехотя согласился Вяхирев и сделал вид, что уснул.

Галина осмотрелась. Обитатели вагона старательно изображали спящих. Все делали вид, что им всё равно, что с ними будет, а сами мучились и страдали от несправедливости. Впрочем, они тоже ничего не могут сделать. Даже если объединятся. Никто не в состоянии изменить ход событий. Надо смириться. И ей надо поступать так же, как все. Ничего нельзя делать, нельзя говорить лишнего, нельзя предпринимать никаких решительных действий. Ведь Гриша уже ищет её, настоящий моряк не бросит жену в беде. Он честный партиз, целиком и полностью на стороне советской власти. В муже Галина была уверена больше, чем в себе.

Прижав к себе Розу, она стала качаться в такт движению поезда. Так было легче переносить мучения. Одновременно Галина искоса наблюдала за другими арестантами. Овласевич тоже инженер. Технический директор авиационного завода в Москве. На вид ему лет сорок. Его взяли на выходе из трамвая. Овласевич в дорогой фетровой шляпе. Она помялась и потёрлась в дороге, но сохранила приличный вид. За Овласевичем прикорнул Иванов Иван, инженер, в Москву приехал в командировку, его задержали на выходе из управления. Странные судьбы, странные житейские линии пересеклись в этом поезде. Кто из них мог знать, что окажется в этом поезде? Галина почему-то подумала, что у инженера Иванова нет шляпы. Он в обычной кепке, зато пиджак у него новый, ещё не испачкался, как следует. Остальные обитатели, скорее всего, колхозники. Среди них паренёк четырнадцати лет. Господи, его-то за что

забрали? Приличный парнишка, умненькое лицо. Говорят, его взяли в поезде, паренёк ехал в гости к брату в Москву. Размышления закончились очередным приступом тоски. Тихонько подвывая, крепче Галина прижала к себе маленькую Розу и забылась.

Очнулась она от того, что не было привычного покачивания и стука колёс. Поезд стоял. Вдалеке слышались гудки и металлический лязг; наверное, где-то неподалёку железнодорожная станция, но поезд туда не пускают. По всей видимости, стоят давно. Уголовники наверху совсем озверели от скуки. Ржут, как жеребцы, матерятся, но голоса с надрывом. Наверное, от скуки затеяли что-то нехорошее. От происходящего на людей навалилось состояние ужаса, словно их сверху чем-то прихлопнуло. Галина крепче прижала девочку. Может, пронесёт. Хоть бы конвоиры заглянули в вагон.

– А чего вонища такая? – донеслось сверху.

– Парашу сегодня не вынесли. Конвой не заходил, вот и воняет.

Голоса ненадолго стихли, затем брань возобновилась, наверху началась возня. Конвойные починили настил, приколотив прикладами шаткие доски, но от малейшего движения нары начинали трястись и угрожающе скрипеть.

– Постучи, что ли, скажи, что параша полная!

– Стучали уже. Глухо, не слышат, весь конвой на побудке. Суки! Заколотили дырку в полу. Боятся побегов. Теперь одна параша на всех!

Мизгирь лениво прошёлся по человеческим телам. Никто из лежащих на полу не пошевелился. Он подошёл к двери, выглянув в щель, поморщился от солнечного луча.

– На улице жара, вот и завоняла, – проворчал Мизгирь и огляделся. Вяхирев сидел под дверью безмолвный и неподвижный, как мумия.

– Ша, братва! Я нашёл парашу!

Мизгирь стянул с головы Николая Петровича шляпу и присел испражняться, сопровождая процесс байками и присказками. Наверху гоготали уголовники, остальные замерли. В вагоне смердело, от запаха зароились мухи. Насекомые облепили Мизгиря, он отмахивался, отплевывался, несколько раз попал в Николая Петровича. Тот сидел бледный, с горящими глазами, только на скулах цвели два кровавых пятна. Мизгирь опорожнился, натянул штаны, затем одной рукой пригнул Вяхирева, а второй одел на его голову шляпу со всем содержимым. Галина громко охнула, за ней хором охнули остальные. Уголовники валялись на нижних нарах, хватаясь за животы от смеха. Вяхирев сидел неподвижный и безучастный. Мизгирь плюнул ему на шляпу и полез наверх, за ним последовала его свита. Галина под села к Вяхиреву, сняла с него шляпу и принялась вытирать тряпкой лицо и голову. Николай Петрович не пошевелился.

– Ничего, ничего, скоро станция, там отмоешься, – шептала Галина, обмирая от ужаса.

В дверь застучали, загрохотал засов. Пришли конвойные, с ними был лекпом. Молоденький фельдшер заглянул в вагон, не заходя в него, брезгливо отпрянул от Вяхирева, и, зажимая нос, побежал к следующему вагону.

– Эка его развозит, – проворчал Фома Хомченко, – мы каждый день нюхаем эту нечисть. И ничего!

– Ну, чего там, тифа нет?

К вагону подошёл молодой военный, не из конвойных – нарядный, с блестящей портупеей, с кобурой, с петлицами.

– Нету тифа, щас парашу почистим и можно ехать!

– Нет, на вокзал вас не пропустят. Во втором составе две вспышки тифа. На пересылку отсюда поедете.

– Как же так? Какая пересылка? Их в тюрьму надо! – попробовал возмутиться Хомченко.

Военный, криво улыбаясь, взялся за кобуру. Фома притих. Галина заметила, что Хомченко испугался, сник, спрятав глаза под насупленными бровями. В один миг бравый Хомченко стал похож на уголовника с верхних нар. Военный коротко хохотнул и, поправив

португею, пошёл вслед за лекпомом, а Фома отдал распоряжение очистить парашу. Галина хотела сказать, что Вяхиреву нужна вода, ему необходимо помыться, но Фома уже обрёл свой привычный вид. Углы рта опустились, нос задрался, уши слегка оттопырились, и от такого зрелища Галине стало дурно. Ей давно было плохо, от всего: от уголовников, от вони, от духоты, от непреходящего ужаса, но Фома ужасал больше всех и всего. В нём не было ничего человеческого. Ускользающий взгляд, реденькие волосёнки, отечное лицо. «И ведь молодой ещё, – думала Галина, – а на человека совсем не похож».

Между тем погода набирала обороты. Температура поднялась выше двадцати. Ещё апрель, а жара уже летняя. Если в холод можно было укрыться дерюжкой, хоть как-то согреться, то от жары не было спасения. Люди задыхались. Когда Хомченко пришёл во второй раз, ему безмолвно указали на трупы. Двое умерло; поначалу их не заметили, а потом поняли, что люди не шевелятся. От одного уже пошёл запах. Мухи мигом почувствовали лакомство, плотно облепив мёртвых, уселись тучей, не согнать. Фома скривился, двинул кадыком, пересчитал людей по головам, крикнул кому-то:

– Убери жмуриков! Потом разберёмся, куда деть. Теперь двух не хватает. Нам по счёту надо сдать!

Вдалеке закричали, кто-то выстрелил.

– А ну, не балуйся! – проревел Хомченко. – Патронов и так мало. А вам лишь бы побаловаться.

Дверь закрыли и стали ждать ночи. В этот день хлеба не принесли. Все знали, что положено по триста граммов в день на человека, но Мизгирь весь хлеб забирал себе. Людям кидали объедки и корки. Воду приносили редко и некипячённую. Две недели без еды и питья. Галина попыталась оттереть руки, но запах чужих человеческих испражнений въелся навечно. Она робко постучала в стенку. Конвойный вернулся и чем-то гремел за стенкой, значит, к нему можно обратиться.

– Чего тебе? – Из щели выглянул моргающий глаз, несколько удивлённый. Обычно к нему никто не стучался.

– Мне вода нужна, – просительно заискивая, сказала Галина, – человеку помыться надо.

– Я щас тебе покажу воду! Я тебе такую воду покажу, ты мать родную забудешь!

Глаз исчез, дверь загремела, конвойный ринулся в вагон, но оступился и упал прямо на Николая Петровича. Вскочил, рыгнул от отвращения и выпрыгнул из вагона. Загрохотала дверь, лязгнул засов, лишь после этого раздались странные раздирающие звуки. Конвойного трясло от жёсткой и кровавой рвоты.

– Чего это ты? – пророкотал подошедший Хомченко.

– Рвёт, так рвёт, твою бога душу мать! Вонница там, в вагоне, как будто трупы две недели гнили, а не живые люди ехали, – жалобно заныл конвойный.

– А чо ж ты хочешь от деклассированных элементов? – искренне удивился Хомченко. – Это ж нелюди! Лишенцы. Люди они, там, они Советскую республику строят, а эти только и делают, что воняют. Одна от них маята. Не люди они, а нелюди! Запомни это, Шкваров!

Галина посмотрела на Вяхирева. Николай Петрович не шелохнулся, сидел, как мумия, словно всё происходящее его не касалось. Вяхирев не чувствовал запахов, не слышал разговоров, не ощущал ударов. Человек стал непроницаемым. Он превратился в бесплотное существо.

Глава седьмая

Огромный письменный стол с зелёным сукном занимал всё пространство кабинета. Настольная лампа под абажуром освещала яркий зелёный круг на столе. Горбунов вошёл и с трудом разглядел человека, сидящего в тени, словно его здесь не было. Никого не было – ни очертаний, ни человека, ни его тени.

– Добрый вечер, Глеб Иванович!

– Уже ночь, двенадцать почти, сейчас часы пробьют, – проскрипел человек за столом.

– Так ведь назначили на это время, – виновато развёл руками Григорий Алексеевич.

– Присаживайтесь, слушаю вас!

Просьба присесть прозвучала, как приказ, Горбунов послушно сел на стул с высокой спинкой с сиденьем из зелёного сукна.

– Моя жена пропала почти месяц тому назад, везде ищу, но пока никаких следов Галины не обнаружилось. Думаю, что под облаву попала, помогите, Глеб Иванович!

– Не месяц назад, а всего три недели и один день. – Петров заглянул в бумажку, лежавшую на столе. – Я помню тот вечер, когда приходил Михаил Григорьевич и просил найти вашу жену. У меня всё записано. Да, я обещал ему помочь. И мы много сделали за это время, а не сидели, сложа руки! А вот вы хорошенько подумайте, о чём говорите! Под какую облаву она попала? Головой совсем не думаете, гражданин хороший!

Человек без тени рассердился и слегка высунулся в зелёный круг. Горбунов вздрогнул, увидев больного с измождённым лицом и запавшими глазами, а Глеб Иванович, заметив испуг в глазах посетителя, снова спрятался за спасительный свет лампы.

– Но ведь её нигде нет, ни в моргах, ни в больницах. Хотя какой-нибудь след должен был остаться! – воскликнул Горбунов, пытаясь удержать ниточку надежды.

– Понимаю-понимаю, – проскрипел Петров и вздохнул со всхлипом. Горбунов догадался, что Глеб Иванович с трудом сдерживает болезненный кашель.

Оба молчали, не зная, как выйти из паузы и кто должен заговорить первым.

– Понимаете, как вас там, – Петров прочитал на бумажке имя, – Григорий Алексеевич, мы задерживаем исключительно беспаспортных, бродяг, нищих, проституток и калек, и весь этот сброд надо вышвырнуть из Ленинграда в двадцать четыре часа! Они мешают нам жить, мешают строить коммунистическое общество, они всем надоели. Ну, вы же понимаете, что ваша жена никак не могла попасть в этот перечень, или не понимаете?

– Понимаю, – с трудом выдавил из себя Горбунов, – но почему бы не проверить? Если есть возможность найти, то предоставьте мне её, эту возможность.

Петров покатал в лёгких воздух, но не закашлялся, перетерпев приступ.

– Ну, хорошо, попробуем. – Из-под лампы вылезли две жилистые руки и тяжело пристукнули по столу. – Я вас направляю к Пилипчуку, он вам поможет. Василий знает, как формируются составы, как проходят облавы, сколько преступного элемента задержано и отправлено в пересыльные комендатуры подекадно. Его сегодня нет, он ночами работает, а завтра попрошу вас явиться к девяти ноль-ноль.

– Так он же ночью работает! – невольно вырвалось у Горбунова.

– Такая у нас работа! Ночь не спим, а днём служим народу! – высокопарно ответил Петров, но вздохнул и закашлялся, долго сдерживаемый приступ выскочил наконец наружу. Кашель со свистом заполнил весь кабинет. Горбунов привстал, хотел предложить помощь, но Петров сунул ему клочок бумажки с телефоном и адресом.

– Это повестка, приходите к нам завтра, а повестка даёт право на освобождение от службы, – прохрипел Глеб Иванович и замахал руками. Горбунов замешкался, но кашель у Глеба Ивановича усилился, и он вышел, надеясь увидеть секретаря в приёмной, но там никого не было.

Вздыхая, морщась от беспомощности, Горбунов вышел на Дворцовую площадь. За дверью наткнулся на постового.

– Там вашему начальнику плохо, – сказал Горбунов, волнуясь, что милиционер не успеет на помощь Петрову, но тот махнул рукой и сказал:

– Он к ночи всегда кашляет. Чахотка у него. Не любит на людях кашлять. Сам позовёт, когда надо будет!

Григорий Алексеевич кивал в такт словам, соглашаясь: мол, правильно поступает Глеб Иваныч, настоящий он мужчина. Мало того, что скрывает от людей свою болезнь, он ещё и по ночам работает. Совсем себя не бережёт.

* * *

Потянулись томительные минуты ожидания. Всю долгую дорогу людям казалось, что вот-вот уже скоро поезд прибудет хоть на какую-нибудь станцию, не может же он вечно гонять по рельсам, а когда прибудет, тогда их муки закончатся. Но всё только начиналось. Прошёл день, второй, третий, четвёртый, потом сбились со счёту, поезд словно застыл на путях у вокзала. За стенкой возились конвойные, изредка они менялись, но Хомченко куда-то пропал. Нарядный военный и лекпом больше не появлялись. Зато хлеба прибавилось. Уголовники подкидывали арестантам куски побольше, исхудавшие руки хватали подачку и на какое-то время люди заглушали сосущее чувство голода. Воды не было. Поздним вечером один из конвоиров принёс жестяное ведро с речной водой. Сначала напились уголовники, затем остальные, а кому-то воды не досталось. Кружек не было, пили из ведра через край. Галина успела смочить кусочек дерюжки, чтобы облегчить страдания Николая Петровича, но он отвёл её руку. Гордый человек не захотел принять помощи.

Дневная жара спала, стало чуть легче дышать, несмотря на густые испарения немых человеческих тел. Скученность стала привычной. Люди меньше охали и стонали. Все ждали решения своей судьбы, понимая, что два железнодорожных состава не могут долго находиться в отстойнике. Когда-нибудь стрелки переведут и людей выведут из вагонов. Все ждали освобождения, мечтая вдохнуть глоток свежего воздуха.

Наверху было тихо. Уголовники отсыпались после бурной ночи. Накануне они напились какой-то дряни и очумели от выпитого. Напившись, уголовники не буянили, не ругались, не дрались, они сидели на краю нар с выпученными глазами и раздвинутыми руками. Что-то дикое было в их положении. Все шестеро молчали. Застывшие фигуры нависали над арестантами, как дикий изваяния. Просидев таким образом всю ночь, к вечеру уголовники оклемались и заколобродили.

Первым очнулся Мизгирь, он был поздоровее всех остальных в банде. Сначала главарь истошно заголосил, прочищая горло, затем закурил самокрутку из махорки, и уже после затребовав праздника. Но его свита на просьбы реагировала вяло; видно было, что технический спирт ещё действует на больные головы. Комар и Пёстрый сидели, как чумные. Поняв, что ему не расшевелить команду, Мизгирь соскочил вниз и с хрустом прошёлся по головам лежащих людей. Несмотря на боль, никто не пошевелился. Не получив отпора, Мизгирь обозлился, выхватил нож и изо всей силы всадил в ногу какого-то мужчины. Галина узнала раненого. Это был Овласевич, робкий, интеллигентный человек. Инженер даже не охнул, от страха не почувствовав боли. Густая кровь обильно заливала пол. Лежавший рядом ссыльный колхозник, очнувшись от тяжёлого сна, по-пытался зажать рану рукой, но у него ничего не получилось.

При виде чужой крови Мизгирь развеселился. Он ожил, глаза у него заблестели, ноздри расширились. Наполненный чужим страданием, Мизгирь круто повернулся и снова пошёл по живым людям, как по мостовой. Наверху его ждали. Снова забулькала жидкость из бутылки, повалили густые клубы махорочного дыма. Мизгирь уже забыл о содеянном, как напившийся

человеческой кровью клоп. Он и был похож на клопа, такой же красный и упитанный. Галина оторвала подкладку когда-то светлого пальто и затянула рану Овласевича. Инженер по-прежнему не чувствовал боли; он был в бесчувственном состоянии, только серые глаза следили за движениями Галины. Две слезинки выкатились и застыли на щеках. «Это не он, это душа его плачет», – подумала Галина и вздохнула.

От нарядного пальто, купленного Гришей в начале их брака, осталось одно воспоминание. Подкладка пальто целиком ушла на перевязку. Знал бы Гриша, чем она тут занимается! Галина ещё тяжелее вздохнула и прижала к себе Розу. Девочка дрожала от страшного зрелища. Роза впервые видела такое количество крови. Она нечаянно вляпалась в кровавую лужу и теперь рассматривала испачканную руку. Розу трясло, и состояние девочки передалось Галине. Она словно увидела вагон со стороны. Что же такое происходит? Неужели это будет продолжаться вечно? И в эту минуту Галина поняла, что они попали в ад, созданный людьми, обычными простыми людьми. Если бы они встретились где-нибудь в другом месте, то стали бы хорошими знакомыми, а то и друзьями, но судьба распорядилась иначе. Вагон разделил их. Люди стали врагами. Они всегда будут врагами. Не только на этой земле, но и на том свете.

Часть вторая Томск

Глава первая

К ночи умерло ещё двое. Если бы Фома Хомченко с конвоирами не открыл дверь, то её вышибло бы парами пропитого и прокуренного воздуха, переполненного запахами человеческих испражнений, настолько плотной была духота в вагоне. Конвоиры отшатнулись, стараясь не вдыхать ядовитые пары, но им всё-таки пришлось лезть в вагон, пробираться по людям, наступая им на головы и другие части тела, чтобы удостовериться, что тифозных больных не имеется. Сзади маячили контролёры из вновь созданного управления лагерей и врачи в белых халатах. Они не стали рисковать своим здоровьем и не полезли следом за конвойными, оставшись стоять поодаль. Все старались не дышать, лишь брезгливо морщили носы.

– Ну чего там? – не выдержал нарядный военный.

Он сразу понял, в чём дело. Конвойные не справляются с поставленной задачей. Два состава с деклассированными элементами не могут разгрузить, как следует. А следом идут ещё и ещё, все поезда не сосчитаешь. Сибирь наводнили раскулаченные и деклассированные элементы. Их и без того великое множество, а партия и правительство приказали принять ещё миллион. Откуда они берутся? Это же не люди. Это элементы! Военный поправил портупею и крикнул, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Все на месте?

– Двое помре!

Хомченко посмотрел вверх. Оттуда блестели глаза уголовников. Фома погрозил им кулаком. Одним из умерших был Овласевич. Инженер скончался от потери крови. Фома не стал обнародовать причину смерти: и без того конвоем грозят неприятности. Две вспышки тифа в составе, много умерших. Как теперь отчитываться перед новым руководством управления лагерей? Ведь деклассированных элементов везут в ссылку, чтобы приучать их к полезному труду. Они должны быть живыми, а не мёртвыми. Партия и правительство хочет заставить работать этих нелюдей на благо советской родины. На пересылке всех деклассированных пересчитают и составят списки. Из Москвы потребовали отчёт по ссыльным.

– Что это значит – помре? – взвизгнул военный с петлицами. – Хомченко! Под расстрел пойти хочешь?

– Не хочу! – честно признался Фома, картинно изгибаясь в проёме двери. – Кто ж добровольно под расстрел хочет? Никто. Вот и я не хочу. Конвой не виноват, что эти двое помре...

– Ладно-ладно, – примиряюще пробормотал военный. Его недавно назначили в новое управление лагерей на высокую должность; если он допустит ошибку при расформировании составов, то его переведут на ступень ниже по должности, а такое не сулило ничего хорошего.

Военный крутнулся на пятках и зашагал, высоко поднимая ноги в блестящих сапогах. Здесь было так грязно, что можно испачкать новые сапоги. Военный осторожно ступал, боясь испортить внешний вид. Этот Хомченко большой хитрован. Пусть сам всё улаживает. Если не уладит, пойдет под расстрел. Так будет лучше, а то можно самому стать виноватым. С этими мыслями военный спешно удалялся в сторону вокзала. Фома с ненавистью глядел ему вслед. Военный шёл быстро, но осторожно, боясь ступить в грязь. Наберут белоручек и красавчиков на службу, а ты копайся в дерьме с недобитыми врагами народа! Хомченко повернулся и, наступая на людей, прошёл внутрь вагона.

– По одному выходи! Не шуметь. Хоть одно слово услышу – пристрелю на месте.

Хомченко подошёл к верхним нарам и о чём-то пошептался с Мизгирём. Уголовные шестёрки мигом отползли в сторону, чтобы не мешать начальству. Повинуясь приказу, люди медленно выползали из вагона, стараясь не упасть, не оступиться, слишком долго ждали они окончания пути.

– А куда? – шёпотом просвистел Мизгирь.

– В Томскую тюрьму.

– Да я там был! Там места мало. Столько народа не поместится! Куда всех поведёте? – вскричал Мизгирь, но тут же с силой хлопнул себя по губам. Забылся, с кем разговаривает, да и разговор этот секретный.

– Не знаю. Не моего ума дело, – сердито буркнул Хомченко. – Моё дело людей по счёту сдать. Нам уже возвращаться пора. – Там другие составы ждут.

– За народом проследим, а счёт за тобой, гражданин начальник!

Хомченко почесался, с шумом царапая кожу на предплечье.

– Клопов у вас развелось, что деклассированных на пересылке, – сказал Хомченко, оглядываясь назад, – людей подберём сейчас. Добавим для счёта. На дороге много народу перемогается. Смотри, не подведи меня, Мизгирь, и за людьми смотри! А я о тебе местному начальству словечко замолвлю перед отъездом. Ты же не хочешь вместе с деклассированными элементами загреметь? Я договорюсь, чтобы тебе послабление сделали в тюрьме, а ты мне будешь должен.

Выбравшись из вагона, Хомченко, вздохнул с облегчением. Ну, там и духотища! Об арестантах он уже не думал: пусть о них заботятся другие. Его ждала дорога в обратную сторону, а что будет здесь, в составе, его не касается. Сейчас главное, быстрее сдать всех чумных и дизентерийных людишек, поголовно отчитаться, и забыть весь этот кошмар до очередной партии ссыльных. Фома ссыпал в карман золотые зубы, выбитые Мизгирём у мёртвых ссыльных. Хотел посчитать, сколько там, но не стал; слишком много народу наблюдает за ним. Донесут, мазурики!

* * *

Всю ночь шли этапом до пересылки. Город мирно спал, светясь редкими огоньками. Изредка они перемигивались, как светлячки в темноте. Томск, бывшая купеческая столица Сибири, оставшийся в стороне, не подозревал, что мимо него медленно бредут истощённые люди. Дорога была сухая, ровная, воздух прохладный, но чистый. Ночное небо, щедро усыпанное звёздами, обещало жаркий день. Невольные арестанты обречённо брели по дороге, судорожно размышляя, куда их ведут, накормят ли, дадут ли воды помыться и разберутся ли, наконец, с их незаконным задержанием.

Все вспоминали свои дома, улицы, номера квартир, боясь, что перепутают что-нибудь на допросе и им не поверят. Цифры, даты, сроки, номера документов – всё может пригодиться при установлении обстоятельств. Люди были уверены, что прибыли туда, где с ними наконец разберутся. Им же обещали! Некоторые посматривали на уголовников, шедших в стороне от основной колонны. «Ничего, Мизгирь, сейчас дознаются, кто ты таков на самом деле! Мы всё расскажем, как ты торговал нашим хлебом, как издевался над нами. Ещё узнаешь, где раки зимуют!» Мизгирь, словно чувствуя, о чём думают подконвойные, злобно ухмылялся и оглядываясь назад, проверяя, идут ли за ним проверяющие из управления лагерей. Группа военных, слегка отстав, шла за колонной и посматривала на небо. Они знали, что людей из колонны зорко стерегут вохровцы. За любое отклонение от маршрута расстрел на месте без суда и следствия. Где-то вдали лаяли собаки, надрывались гудки паровозов, слышался весёлый женский смех. У людей в колонне появилась надежда на лучшую жизнь. Мало ли что с кем случается! Ну, забрали по ошибке, повезли куда-то, а сейчас разберутся. Партия и правительство не допу-

стят перегибов. Так, или примерно так, думал каждый из колонны, неспешно шагающих в полную неизвестность.

– Что это за люди? – недовольно проворчал военный из управления лагерей. – Неужели нельзя было помыться? Довели себя до ужасающего состояния. Естественно, от них необходимо избавляться. Такие не должны проживать в крупных городах. Своим видом они позорят молодую Советскую республику! Посмотрите, на кого только похожи!

– А-а, бросьте, Егор Палыч! – Взмахнул рукой, шедший рядом с ним пожилой человек в сияющей новенькой форме. – Этап никого не красит. В вагонах скученность, отсутствие воды, инфекция. Наше дело – немедленно отправить этих людей в спецпоселения. Для этого выделены средства, обеспечено вещевое довольствие. Несмотря на трудную ситуацию в республике, на этих людей партия и правительство выделили хлеб и питание. Мы заботимся о них. Посмотрим, как они позаботятся о нас, Егор Палыч!

Его собеседник от изумления оступился, затем, выправив шаг, долго смеялся. Наконец пришёл в себя, отдышался от смеха и сказал, отчеканивая каждое слово:

– Вы, Александр Николаевич, как старый большевик, никак не отступитесь от романтических идеалов. А пора бы уже, пора задуматься о настоящем. Вот оно, настоящее, идёт рядом, немытое, вонючее, исхудавшее. А почему эти люди исхудали? Да они торговали нашим хлебом, меняя его на спирт, водку, самогон! При отправке составы снабдили хлебом. Эти люди не построят нам светлое будущее. Они настоящие враги нам, нашим детям, нашей власти!

– Всё так, Егор Палыч, но вы ещё молодой человек и не знаете жизни, у вас всё вприглядку, а я по этапу совсем, как эти люди, отшагал немеряно вёрст по российским трактам. Я верю в этих людей! И вы должны верить!

Они рассердились друг на друга и дальше шли молча, злясь и – мысленно, не вслух – выговаривая один другому разные колкие слова. У одного из собеседников возобладало благоразумие. Александр Николаевич, старший по возрасту, но не по званию, заговорил первым.

– В любом случае, Егор Палыч, наша задача заключается в том, чтобы мы быстрее разгрузили составы. Люди измучены, физически истощены. Необходимо как можно скорее отправить их в спецпосёлки. И мы это сделаем, не так ли, милейший?

Егора Павловича передёрнуло. Его злили разные словечки вроде «милейший», «позаботимся» и другие. Егор Павлович два года обучался на курсах красных командиров и не любил высокопарные речи.

– Александр Николаевич, а мы чем занимаемся? Как вы думаете? – крикнул Егор Павлович и почти побежал вперёд, догоняя колонну. Александр Николаевич криво усмехнулся ему вслед. Нутро старого каторжанина исподволь чувствовало опасность, а из Егора Павловича просто хлестала волна ненависти.

– Ничего-ничего, – проворчал Александр Николаевич, замедляя шаг, – я тоже умею шашкой махать. Да уж получше, чем ты, молокосос!

Колонна быстро уходила за поворот. Вдалеке темнела Томская пересыльная комендатура. От неё исходил сумрак, словно внутри затаилась преисподняя.

Глава вторая

Колонну привели в пересыльную комендатуру. В Томской тюрьме условия были получше, но там не хватало мест для заключённых, поэтому для переселенцев на скорую руку построили спецкомендатуру. Здесь переселенцев сортировали, составляли списки и отправляли, куда считали нужным. Кого в тюрьму, кого в спецпоселения. Люди жались друг к другу, как овцы в стаде, переглядывались, надеясь, что их привели в тёплое обустроенное место. Недавно построенная комендатура поражала взгляд размерами и пространством. Доставленную колонну оставили у ворот, подыскивая свободное помещение. Сразу возникла давка. Люди стремились за ворота, словно внутри их ожидала другая, лучшая жизнь. Хаос и неразбериха, царившие в комендатуре, выплёскивались наружу, накрывая собой колонну несчастных.

До сознания людей медленно доходила мысль, что в этом сарае они никому не нужны. Здесь нет никакого дела до них. Никто ни с кем разбираться не станет. Тем временем крики и ругань за воротами становились всё громче. Люди зароптали.

– Что ж это?! Опять незнамо, куда привели! Да как же это? Помыться бы, попить, поесть чего-нибудь!

Егор Павлович с пистолетом в руке, красный, возбуждённый, то появлялся, то исчезал внутри ограждения. Вдоль колонны прибавилось оцепление. Стволы тускло отсвечивали в темноте, пугая людей неожиданной смертью. Охранники махали прикладами, сбивая людей в кучу. Людской ропот прекратился. Наконец ворота распахнулись. Колонна, подгоняемая конвоем, медленно перетекла внутрь и побрела к складам. Там, в огромном амбаре, им было приготовлено временное пристанище. В центре стояли четыре параша, несколько ведёр с водой, в углу были свалены мешки с хлебом. Ни матрацев, ни соломы не было. Земляной пол источал влагу, кое-где блестели лужицы воды. Стены сырые, с каплями сырости.

– А где сухой паёк? – крикнул Егор Павлович, поигрывая вальтером. Пистолет был под стать обмундированию – такой же новенький, блестящий, как новогодняя игрушка.

– Везут уже! – откликнулся кто-то невидимый. – Телеграмма поздно пришла.

– А-а, – безучастно ответил Егор Павлович и выскочил из амбара. Люди притянули за собой непристойный запах общего горя, окутавший плотной завесой неказистые складские помещения. Их наспех построили в начале весны для хозяйственных нужд комендатуры. Здесь хранили дрова, оборудование, инвентарь и вещёвку, а сейчас в щелястом сарае должны были осесть люди. И никто не знал, сколько они будут находиться в этом помещении.

Массовое сознание медленно работает, но включается мгновенно, когда чувствует, что его опять обманули. Люди не просто роптали; они стали бросаться на стены, и сбитый на скорую руку склад угрожающе затрещал. В другом конце посыпались доски. Вооружённый конвоир, стоявший в центре склада, вскинулся и наугад уложил сразу пять человек. Потянуло гарью. Послышался глухой стук. Застреленные рухнули, как тяжёлые мешки. Остальные мигом затихли и принялись устраиваться, где кто сможет.

* * *

В девять утра Горбунов уже был в управлении. Постовой на входе угрюмо кивнул, видимо, узнал. В милиции отменили выходные в связи с облавами, поэтому Григорий Алексеевич не удивился, увидев вчерашнего знакомого. Пройдя по коридору, Горбунов свернул в приёмную Петрова, но в ней никого не было. Письменный стол, за которым обычно сидели секретарь и помощник начальника управления, и, по всем канцелярским законам, заваленный бумажными кипами, в данную минуту поражал девственной пустотой. Горбунов постучался в дверь начальника управления.

– Войдите! – гулким эхом разнеслось в приёмной. Григорий Алексеевич недоумённо прислушался. Петров громко кашлял, но разговаривал тихо. На громкий разговор у него не было сил. Кто там у него?

– Рад приветствовать!

За столом сидел тот самый Василий Пилипчук, молодой красавец с пышным чубом. Горбунов несколько раз видел его с Вороновым в агитационном кабинете.

– А-а, Григорий Алексеевич, рад видеть! Приветствую, – сказал Пилипчук и слегка встал, затем шумно плюхнулся в начальственное кресло.

– А где Глеб Иваныч? – спросил Горбунов, озираясь по сторонам.

В кабинете произошли явные перемены. Появились новые лампы, тяжёлые плюшевые шторы на окнах исчезли, вместо них висели тонкие бежевые маркизы. В течение ночи всё изменилось. Интерьер кабинета перестал угрожать посетителю, но на стене по-прежнему висел портрет с угрюмым взглядом.

– Ушёл наш друг и товарищ Глеб Иваныч Петров, – с лёгкой визглинкой в голосе сказал Пилипчук, – умер он. Скончался. Ночью. Последняя стадия туберкулёза.

– Как же так? Он же мне повестку дал, – Горбунов протянул листок Пилипчуку.

– Так это ко мне, вам Глеб Иваныч не нужен. Он теперь никому не нужен, – нехорошо засмеялся Пилипчук. – Сидайте, рассказывайте!

– Жена у меня пропала, вам же говорил Михаил Григорьевич, товарищ Пилипчук! Но вы проигнорировали его слова. Вот, я сам пришёл за помощью, – Горбунов подавил горестный вздох.

– Говорил, ох, много чего говорил товарищ Воронов, я всё слышал, и на ус намотал. Ищем, товарищ командир секции! Ищем вашу жену-красавицу! Найдём. Как найдём, сразу вам и возвернём. А шас мне некогда. Похороны, торжественная часть, сами понимаете, вы человек военный!

– Товарищ Пилипчук, если вы мне не поможете, я обращусь к товарищу Сталину! Я хочу, чтобы вы разрешили мне изучить списки задержанных на облавах. Мне кажется, что моя жена попала в категорию беспаспортных деклассированных элементов.

– Э-э, чего захотели, Григорий Алексеевич! Какие списки? Мы списков не составляем. Видим, что человек не советский, и забираем. Потом в вагон – и на высылки. А зачем нам списки? Только запутаемся.

– Что вы хотите сказать, товарищ Пилипчук, что вы людей по головам считаете?

– Ну да, по головам, а что такого?

– И они нигде не учтены?

– Только в пересыльных комендатурах. Там их переписывают, чтобы разбросать по спецпоселениям. Тогда списки и составляют. А больше ни к чему они, только лишние хлопоты. Какая тут писанина, если людей требуют по плану? Сегодня тысячу, завтра две тысячи, откуда столько народу набрать?

Горбунов внимательно всматривался в ясное лицо Пилипчука. Нежно-розовые щёки, курносый нос, кудрявый чуб и две тонны самолюбования на одного человека. Если начать с Пилипчуком войну, то последняя надежда умрёт. А этого Горбунов никак не мог допустить. Надежда – единственное, что оставалось у него в жизни.

– Товарищ Пилипчук, я вынужден буду обратиться к высшему руководству по инстанции. Я должен найти Галину!

Василий задумчиво посмотрел на новые шторы. Он так долго ждал, когда предыдущий начальник освободит помещение, и перестановку задумал загодя, и шторами разжился, чтобы сразу перевесить. Не хотел Василий расставаться с обжитым помещением. Он хорошо помнил тот день, когда задержали Галину Горбунову. В светлом пальто, чистенькая, беленькая. Если Григорий Алексеевич дознается, что его жену задерживал лично Пилипчук, придётся гото-

виться к расстрелу. За такие дела никого не пощадят. Василий огляделся, взгляд уцепился за нежную маркизу. Штора равномерно колыхалась от лёгкого сквозняка.

– Скорее всего, вашу жену отправили в Ачинскую пересыльную комендатуру. Я помню какую-то женщину, она ударилась головой, плохо разговаривала, мы подумали, что женщина лёгкого поведения. По описаниям подходит. В светлом пальто, с белокурыми волосами. Она?

– Может быть, – бледнея, проговорил Горбунов. Хоть какой-то след нашёлся, может, неправильный, но всё-таки, след. – Сколько всего пересыльных комендатур в стране?

Горбунов задал вопрос, но боялся услышать ответ. Сейчас Пилипчук скажет, что их две-сти, и что тогда? Тогда надежда окончательно умрёт. Горбунов вздрогнул.

– Шесть. Первые составы из Ленинграда пошли в Ачинскую и Томскую. В Ачинской комендатуре свою жену ищите! Туда пошёл первый состав с деклассированными. Там составляют списки спецпереселенцев. Ну, прощайте, Григорий Алексеевич! Передайте Мише Воронову, что жду его вместе с хлопцами на облаву. Хорошие у вас бригадмилыцы!

Пилипчук был уверен, что направляя Горбунова по ложному следу, он полностью избавляет себя от дальнейших неприятностей. Пусть моряк съездит на край страны, там любая дурь быстро пройдёт, когда увидит, что такое пересыльная комендатура. Не то, что жену забудет, про себя не вспомнит.

Василий повернулся спиной, явив взору плешивый затылок. Пораженный резким переходом от чёрных кудрей к редкой плешке, Горбунов ахнул, но тихо, так, что Пилипчук ничего не заметил. Через полчаса Григорий Алексеевич уже был на Октябрьской железной дороге.

* * *

Кусок дерюги впитал в себя влагу на земляном полу. Галина потрогала: везде мокро, вода с руки стекает, придётся лечь в сырость. Роза вяло рухнула на подстилку и закатила глаза. Девочка была без сознания. Галина осмотрела помещение сарая, ища глазами Николая Петровича. Толпа укладывалась на пол, один Вяхирев безучастно стоял в углу. Ему не хватило места. Галина осторожно уложила Розу и пошла за инженером. Слабый человек, этот Николай Петрович. От всего сразу в отчаяние впадает. Да все люди слабые. Обессилели, оголодали, люди на людей не похожи. Галина почувствовала, как отнимаются ноги. «Это жизнь из меня выходит», – подумала она и потрясла руками, пытаясь очнуться.

Галина взяла Вяхирева за руку и привела к дерюжке. Если положить сверху пальто, будет не так сыро. Можно усестись втроём; пока кто-нибудь поспит, другие посидят. Без пальто стало холодно. Ночная прохлада студила живот и плечи. Галина уложила Розу, а себя обхватила руками, ей казалось, что так станет теплее. Вяхирев сидел прямо на полу. Ему не хватило места на подстилке.

– Николай Петрович, садитесь вот здесь, рядом, всё потеплее будет, – уговаривала Галина, одновременно сердясь, что за человек этот Вяхирев. Почему с ним нужно нянчиться? Ведь он уже взрослый, солидный человек! В шляпе, в коверкотовом костюме, а ума, как у крестьянина из глухой деревни.

Николай Петрович отмахнулся от неё, как от зудевшего комара. Инженер погрузился в себя и не думал о настоящем, для него больше не было реальности, его больше не было в этом мире.

Огромное помещение склада не вместило колонну, людям пришлось тесниться и драться за место на полу. Все ложились рядом, подпирая друг друга, более сильные толкались, выбирая себе место для ночёвки поудобнее, если можно было назвать удобным влажный земляной пол. Несмотря на скученность, люди улеглись и утомонились, но вдруг что-то произошло. Сначала никто ничего не понял, а затем медленно, капля за каплей до сознания каждого стало доходить страшное. Случилось то, что давно должно было случиться.

В пересыльной спецкомендатуре началась эпидемия дизентерии. Кровавый понос гнал несчастных к парашам, их не хватало, заболевшие испражнялись прямо на людей. Кровавый понос забивался в ноздри, облеплял волосы тех, кто лежал на полу. Люди кричали, плакали, выли. На шум прибежали вохровцы, постреляли в потолок, поорали, и шум потихоньку стих. Вскоре пришёл нарядный военный с портупеей. Зажав нос ослепительно-белым платком, он прошёл несколько шагов и остановился. В помещении стоял смрад. Люди корчились от колик, закатывали глаза, синели, некоторые умирали на глазах.

– Егор Палыч, у них дизентерия. Они напились сырой воды, – сказал подошедший лекпом, молодой парень с русым чубчиком.

– И без тебя вижу, – ощерился Егор Палыч. – Что надо делать?

– Лечить, – вскинул голову лекпом, стараясь не дышать зловонием, – лечить! Чего ещё тут делать?

– Некогда нам их лечить. Это пересылка, а не госпиталь. Всё залить карболкой! Где каптенармус?

– Тут я, товарищ начальник конвоя! – пропел сзади умильный голос. Вперёд вылез, стараясь не наступать на лежащих людей, brave капитанармус, румяный, с кавалерийскими усами.

– Ты, Хромов, сейчас же зальёшь всё помещение карболкой! Всё! И всех.

– Товарищ Чусов, нет карболки. Где ж я её возьму?

Егор Павлович выхватил вальтер и приставил к виску Хромова.

– Я тебе не товарищ Чусов, я тебе товарищ начальник конвоя! Понял?

– Слушаюсь, товарищ начальник конвоя! – пролепетал побледневший Хромов.

– Если мигом не достанешь карболку, я тебя пристрелю, как собаку, понял?

– Понял! Слушаюсь! Есть!

Чусов выскочил из складского помещения, задыхаясь и крутя головой. Воздуха не хватало. Ему казалось, что он полностью пропитался человеческими миазмами.

– А где ж я возьму карболку? – сказал Хромов, обращаясь к лекпому. Тот беспомощно развёл руками.

К утру склад напоминал химическую лабораторию. От него за версту несло карболкой. Капитанармус Хромов раздобыл средство в госпитале нового управления. Там всего было полно, и бинтов, и йоду, и карболкой хоть залейся. Хромов обменял карболку за спирт, припасённый заранее «на чёрный день». После заливки потрогал висок, нащупал пульсирующую жилку и долго наслаждался бойким биением. «Чёрный день» прошёл стороной. Капитанармус Хромов любил жизнь, а она любила его.

Глава третья

Томск начала тридцатых был наводнён военными, как перед войной. Вновь созданное управление лагерей непрерывно командировало начальствующий состав из Москвы, укрепляя местные кадры. Свежие силы вели себя бесцеремонно, постоянно упрекая местных в отсутствии организованности. Между командирами шла грызня, каждый хотел выслужиться за счёт другого. Из центра на север страны шли составы с десятками, сотнями тысяч «одиночек» и штрафников, так в документах называли беспаспортных граждан, высланных на окраину страны. Спецконтингент требовал ужесточённого контроля со стороны властей.

Иногда жертвы и палачи не отличались друг от друга ни внешне, ни внутренне. На их фоне командирская верхушка выглядела форсисто и вызывающе. Вновь прибывшие командированные из столицы нуждались в жилье и материальном обеспечении. Хозяйственные службы работали на износ, они одевали, кормили, распределяли пайки и расселяли присланных военных в освободившиеся квартиры, которые шли нарасхват. К тому времени в центре Томска были посажены, высланы, отправлены по этапу и выселены все неблагонадёжные. После них осталось вполне благоустроенное жильё. В домах и квартирах ещё оставались следы бывших хозяев, но новые квартиранты не замечали этого. Они сами каждый день кого-то высылали, выселяли, отправляли на спецпоселения, грузили на баржи, осматривали тюрьмы, лагеря и спецкомендатуры, часто расстреливая на местах непокорных. Служба была беспокойной, нервной и утомительной, требующей хорошего отдыха после многочасового служения родине.

Егор Павлович Чусов долго подбирал жильё, пока не остановился на просторной, вместительной квартире, хозяева которой сбежали за границу. Егора Павловича согревала мысль, что в этих уютных обжитых комнатах никого не убили, не ограбили, и никто не успел здесь насвинячить. Между отъездом хозяев и вселением семейства Чусовых прошло немного времени. В конце концов, люди с чистой совестью из собственного дома не сбегают. Здесь можно было спокойно жить и отдыхать. Чистая квартира, безгрешная. Первым делом Егор Павлович вызвал из Москвы жену с ребёнком, второй уже был на подходе. Чусов не стал нанимать домработницу. Чужие люди в доме всегда к неприятностям. Выход нашёлся. Среди младшего помоста Чусов подобрал послушного и расторопного паренька, сбежавшего из деревни в город в поисках лучшей жизни. Фрол Панин крестьянской сметкой понял, что помогать по хозяйству прямому начальству гораздо выгоднее, чем охранять колонны спецпереселенцев. Так и жили: Егор Павлович, его беременная жена, трёхлетняя дочка и Фрол Панин, коренной уроженец Сибири. Чусову нравилось, что Панин из местных, с ним легче будет приспосабливаться к здешним порядкам. Фрол всё подскажет, всё найдёт, подыщет. Иметь такого денщика удобно и ненакладно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.